

Книжная полка**ТАК ВСПОМИНАЕТСЯ,
ИЛИ ЕЩЁ ОДНО ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО
(главы из книги)**

*Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН*

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует избранные главы из книги воспоминаний директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Эдуарда Израилевича Колчинского. В центре внимания автора находятся сложные проблемы переплетения личной жизни и науки, науки и власти, социальной истории и истории науки, науки и кризисов.

Ключевые слова: мемуаристика, социальная история науки, наука и власть, наука и кризисы.

Семейный тыл

Человеку для счастья надо не много. Интересная работа, друзья и, конечно, надёжная семья. Последнее наиболее важно, так как только в семье нет непримиримых конкурентных отношений, а два основополагающих ее элемента в идеале выступают как целое. Ведь семья — это не только и даже не столько общая постель, сколько хозяйственная и психоэмоциональная ячейка общества. Благодаря Наталье Викторовне, урождённой Константиновой, мне удалось обрести семью. Наши отношения складывались по сюжету служебных романов. Вначале — сугубо официальные контакты, затем совместная работа, переросшая во взаимную симпатию симпатии, а затем наступило то, что называют «больше, чем любовь», где увлечения и преданность были переплетены с чувством долга перед детьми. Пожалуй, трудно было найти людей, столь отличающихся друг от друга не только внешне, но и по образованию, характеру и взглядам, как мы с женой в первые годы совместной жизни. Возможно, именно это позволило сохранить интерес друг к другу на протяжении почти 45 лет. В этом, прежде всего, заслуга моей жены, которая создала все условия для моей нормальной работы и, подарила мне сына и дочь.

После того как мы поженились, она добровольно ушла из ЛО ИИЕТ — поступок по тем временам немислимый, так как работа в АН СССР была престижна, — и пошла преподавателем английского языка в школу. Наташа много преподавала на различного рода курсах, ко-

торые иногда посещал я. Она была учителем от бога, хотя и не очень любила свою профессию, главным образом, из-за разного рода бессмысленных воспитательных мероприятий в советское время, бюрократизации, формализма и бесправия учителей — как перед администрацией, так и перед некоторыми амбициозными родителями. Тем не менее, она отработала в школе почти четверть века, в том числе последние 10 лет в престижном физико-математическом лицее № 239 на Кировской улице в здании, где ранее размещалась Анненшуле. Здесь и учебный контингент, и преподавательский состав были намного лучше, чем в большинстве школ. Директор ценила ее опыт и не загружала воспитательной работой, да и бюрократическая писанина в те годы была сведена к минимуму. До прихода в лицей она несколько лет работала переводчицей в закрытом НИИ, но её не устраивали царящие там сплетни и интриги, конкуренция за пятирублёвые премии и разнарядки на сельхозработы и овощные базы. Да и сама работа в НИИ казалась мёртвой и бессмысленной по сравнению со школой, где каждый день видишь результаты своего труда.

После регистрации брака мы более двух лет жили вместе с ее родителями. К счастью, к 250-летию юбилею АН СССР строили кооперативный дом, о чем мне стало известно от П.Б. Щелища. Претендентов на трёхкомнатную квартиру было немного, и меня включили в состав пайщиков, а родители дали часть денег на первый взнос. Остальное пришлось зарабатывать на калымах. Уже к сентябрю 1976 г. дом в районе Шувалово-Озерки был построен, практически посреди чистого поля. Ещё несколько лет я мог у подъезда встать на лыжи и уйти в лесопарк Парнас. С магазинами было плохо. Ближайший универсам находился на расстоянии одного километра. Трамвай — единственный способ добраться до центра, включая место работы. Это занимало минимум час. Правда, первые годы большую часть пути можно было сидеть и читать книгу. Но очень холодно было зимой.

Сыну Денису было два с половиной года, и ни яслей, ни садиков ещё не было. К счастью, его няня Полина Семеновна любила его как собственного внука, и так как у нее семьи не было, жила у нас, отказываясь от всякой платы, рассматривая нас как свою семью. Она была женщиной глубоко и искренне верующей, трудолюбивой, исключительно порядочной, с высоким чувством собственного достоинства. Родилась она ещё в XIX веке. В 16 лет ее хотели выдать насильно за нелюбимого, но накануне свадьбы она бежала из деревни в Петроград, где устроилась на фабрику и нашла своего суженого. Впоследствии революция, Гражданская война, индустриализация, Великая Отечественная война не раз перечёркивали ее личную жизнь, которую ей приходилось начинать сызнова. Но она не сгибалась, воспринимая трагедии как испытание Божье, и, несмотря на пережитое, оставалась оптимисткой и добрым, отзывчивым человеком. Очень интересные были с ней разговоры о прошлом. И я удивлялся, как практически безграмотный человек точно воспринимал сущность событий, свидетелем и участником которых приходилось быть. У нас с ней практически на все были общие взгляды. Единственное, что она не смогла принять, — это то, что дева Мария и Христос были евреи по национальности. Услышав это, она возмутилась до глубины души и сказала: их, мол, пожалуйста, не трогайте. И я согласился, так как бесполезно спорить насчёт мифов.

В этом я ещё раз убедился, посетив в 2011 г. «дом Марии» в Назарете и Храм Господня в Иерусалиме, где «новоделам 4 века» фанатично поклоняются как подлинникам. Кстати, в Храме Господня мне было «знамение». В тот миг, когда я положил руку на камень, символизирующий центр мира, какое-то небесное создание, видимо, в образе голубя, обгадил мне ее. Но я до сих пор понимаю смысл этого знака свыше. В целом же я с громадным удовольствием посетил все эти святые места, и даже совершил омовение в реке Иордан, так как них за десятки веков сконцентрировалась громадная историко-эмоциональная энергия приверженцев трех основных религий.

В три с половиной года сыну дали место в садике, который находился примерно в полутора километрах от дома и не было никакого транспорта. Зимой можно было отвезти на санках. Как сейчас помню, он, сидя в санях, распевает:

*Мой дедушка разбойник, разбойник.
Был, в самом деле, очень знаменит,
Кто мимо дедушки идёт, тот сразу деньги отдаёт,
Иначе будет бит.
И далее с воодушевлением звучал припев:
Где ты времечко золотое,
Когда можно было жить разбоем,
Неужели это время не вернётся
Никогда?*

Редкие прохожие осуждающе посматривали на меня, думая, что именно я обучил его столь пионерской песне. Но я его ничему не учил и до сих не понимаю — это хорошо или плохо. Скорее плохо, потому что у него явно были математические способности, но мы не приложили никаких усилий, чтобы их развивать. Единственному, чему мы его учили, — жена обучала его английскому, заложив основы для овладения им после окончания вузов. Немного он занимался спортом, но не захотел поступать в спортивную школу, как предлагал тренер. Он как-то рос сам по себе. Учился в обычных школах, где быть в числе хорошо успевающих можно было, не прилагая усилий. Много читал, благо я старался искать книги для домашней библиотеки, что, как, может помнят мои сверстники, было сложным делом. Книги исчезли из продажи раньше, чем продукты. Хорошую книгу можно было достать только у спекулянтов по баснословным ценам. Легче было купить специальные книги по истории, биологии и философии, к чтению которых сын пристрастился. Интересовался он также атомной физикой и математикой и к окончанию школы не мог решить, кем стать — гуманитарием или физиком. К выбору профессии он с ранних лет относился серьёзно и спросил моего совета. Я сказал, что видел много бывших физиков и математиков, которые стали потом профессиональными историками и философами, но никогда не встречал философа или историка, которые бы стали физиками, инженерами, математиками. Он меня послушался и после школы окончил Политехнический институт, получил специальность по атомной энергетике и довольно быстро стал специалистом в проектировании атомных станций.

Дочери пришлось пойти в ясли с двух лет, что ей явно не нравилось. И при случае она старалась остаться дома, так как я к тому времени стал старшим научным сотрудником и на работу ездил только два раза в неделю. С детства она явно тянулась к искусству, любила петь и танцевать, знала много стихов, любила в лицах пересказывать по памяти любимые сказки из грампластинок. Жена долгое время работала в Доме культуры и брала её с собой на танцевальный кружок. В школе она училась прилежно, была очень самостоятельная и любила отстаивать свою точку зрения. Она окончила физико-математический лицей, но предпочла Университет экономики и финансов, затем там же поступила в аспирантуру, защитилась и стала специалистом в области региональной экономики.

Немаловажным фактором возвращения жены в сферу образования был двухмесячный отпуск летом. Это давало возможность проводить лето с детьми, которые, к счастью, почти не знали, что такое пионерские лагеря. Во время моих калымов жена с детьми проводила лето на даче под Ленинградом, которую построила её мать Тамара Ивановна, но официально она принадлежала Наташиному брату. В строительстве дачи участвовал и я, но вскоре выяснилось, что двум семьям нелегко ужиться в маленьком домике, и начиная с 1981 г. до 1997 г. практически каждое лето мы проводили в деревне Полстниково Чухломского района Ко-

стромской области, расположенной в 5–6 км. от села Судай с населением в 2 500 человек. Для детей это был прекрасный отдых вдали от шумного города, на природе и в обстановке практически полной свободы. Для взрослых, особенно, для жены и ее сестры, которая вместе с двумя сыновьями, обычно отдыхала с нами, это был тяжёлый труд по ведению домашнего хозяйства. Еду надо было готовить в русской печи, доставать продукты при почти пустых магазинах, полоть огород и т.д. На меня ложилась обязанность ремонтировать старый дом, носить воду, в том числе и для полива огорода, из речки под горой в 150 метрах от дома, колоть дрова, топить баню, копать огород и выполнять прочие обычные работы. Дом был не жилой, на зиму мы его консервировали, причём надо было обязательно спрятать все вещи, так как после нашего отъезда его обязательно обшаривали местные. Вещи прятали в подполе, заваливая различными досками и тряпками, в поленницах, на сеновале и т. п. Благо дом был огромный, около 400 кв. м, из которых жилых примерно 80 кв. м с горенками. По приезде несколько дней уходило на то, чтобы все достать, просушить, промыть, разложить, расставить, а перед отъездом все то же самое надо было повторить в обратном порядке. К тому же летние заготовки, особенно варенье, надо было заранее отправить почтой, которая находилась в шести километрах от нашей деревни. Так что на дачу все это походило мало, но были и свои плюсы.

Прежде всего, это сам дом, построенный без гвоздей незадолго до революции зажиточным крестьянином с большой любовью и умением. Впоследствии так уже никогда не строили. К счастью, дом никогда не был колхозной собственностью, в нем всегда кто-то жил. Он лучше сохранился, чем два других аналогичных дома, построенных в то же время тем же хозяином для братьев. Поскольку у сруба не было фундамента, вместо которого были деревянные стулья, т.е. бревна, закопанные в землю, то нижние венцы подгнили, но остальные были, как будто только что привезены из леса. Так же выглядели и стропила — огромные бревна 7–9 м длиной и диаметром полметра, которые были так подогнаны друг к другу, что и спустя 90 лет в пазы нельзя было просунуть иголку. Плотно сбитым оставался и пол из полубрёвен, скреплённых нагелями.

Двухэтажный дом состоял из трех частей. В первой из них на втором этаже были кухня и большая зимняя комната, а внизу всякие подсобные помещения, в середине огромная широкая лестница и летние большая горница и маленькая горенка. На этом же этаже была огромная повить, где хранилось сено. Его раньше завозили туда прямо на второй этаж на лошадях. Внизу было множество различных сараек и сараюшек для дров, лошадей, свиней, баранов, кур, гусей и т. д. Планировка была такова, что в течение долгого времени можно было жить автономно, не выходя на улицу в метель и крепкие морозы. Все помещения были связаны внутренними переходами и лестницами. Когда-то в доме была и скважина, так что и за водой не надо было ходить. Также предусмотрен был внутри дома разумно встроенный туалет.

При доме был громадный огород — более четверти гектара, в котором мы использовали две-три сотки, а остальное отдавали косить соседям, которые держали двух коров и двух телят, а порой и жеребёнка. Они паслись по всей деревне, из-за чего мне постоянно приходилось ремонтировать забор, так как тёща не любила, чтобы скотина заходила на нашу территорию. На огороде в основном росла зелень, немножко огурцов, лук, чеснок, морковь, горох, редиска и т. д., а также картошка, урожай которой мы оставляли у соседей, чтобы было что есть до нового урожая. В конце мая приходилось специально приезжать сажать огород, чтобы к окончательному перебазированию в деревню было чем питаться до появления лесных даров.

Сама поездка была очень тяжела. Сперва надо было полдня и ночь ехать на поезде в плацкартном вагоне до Галича. А оттуда в набитом автобусе 100 км на север до посёлка Судай, а далее как-то решать вопрос о том, как добираться до нашей деревни. Прямо доехать

нельзя было, так как в 700 метрах от нее мост через лесной ручей был сломан и все его попытки его починить, т.е. срубить и уложить несколько десятков брёвен, давали временный успех. Как только через это рукотворное сооружение проходил трактор или комбайн, все приходилось начинать заново. В лучшем случае, если благодаря знакомым и за бутылку водки удавалось найти грузовик, нас довозили только до этого ручья. В противном случае от Судая надо было ехать на автобусе, который довозил до деревни Полтораново, а оттуда с маленькими детьми и всеми вещами около двух километров приходилось добираться до дома пешком.

Ещё сложнее было с отъездом. Билеты на обратный путь надо было закупать за месяц, а гарантии, что будет автобус до Галича в тот день, никогда не было. Приходилось опять договариваться с несколькими шоферами, чтобы довели до Галича восемь человек. А если удавалось уехать утренним автобусом, то затем на вокзале около полусуток ждали поезд. Посадка в вагоны напоминала битву на рельсах или, точнее, поездку во время Гражданской войны: все с маленькими детьми и огромным багажом, стараются влезть в вагон и занять места, так как в последние годы билеты можно было достать только в общий вагон. И в таких условиях, когда порой даже сидеть надо было по очереди приходилось ехать 16 часов, включая ночь.

Каждый день надо было решать вопрос о хлебе насущном. Если молоко ещё можно было купить, то остальные продукты исчезали в магазинах стремительно, а в конце 1980-х гг. остались только пустые полки. К тому времени деньги уже перестали играть какую-то роль. Достать что-нибудь удавалось только в обмен на папиросы, водку и сахар, из которого местные гнали самогон. Ну, с папиросами и водкой мы расставались без особого сожаления, а сахар нужен был самим для варенья. Особенно тяжело было достать хлеб, за которым надо было идти 2 км в Полтораново и ждать, порой по несколько часов, так как хлеб был нужен местным жителям, кормившим им скот и набиравшим его мешками. На нас, 8 человек, из которых четверо детей и тёща — участница Великой Отечественной войны — со скандалом давали одну буханку на два дня.

Спасало только то, что у Володи Кузьмина, бывшего мужа Наташиной сестры Татьяны, по материнской линии было много родственников в этой местности. В детстве он часто жил здесь сам и, будучи компанейским по натуре, завёл хороших друзей. Татьяна также приезжала сюда с их старшим сыном Сашей. Она пользовалась громадным уважением у Володиных тёек, дядек, двоюродных и троюродных братьев и сестёр. После развода Володина родня ей очень сочувствовала. В русской деревне помнят родство до пятого колена и стараются помогать родственникам, а такими для них были Татьянины дети и она сама. В случае крайней необходимости они приходили на помощь. Одна из них, Нина Александровна Дмитриева, заведовала продуктовой базой и приказала продавать нам, хотя бы по две буханки хлеба на два дня, что продавщица с неохотой делала.

Все любят повторять за Михаилом Булгаковым, что, мол, советские люди были неплохие, но их испортил жилищный вопрос. С этим трудно согласиться. Как всегда, кого испортил, а кого нет. Так и в деревенской местности люди были разные, хотя большинству было далеко до светлых образов, нарисованных классиками нашей деревенской прозы. Тяжёлый и почти не оплачиваемый труд, практическое бесправие перед начальством, жуткие бытовые условия, незащищенность от криминала — все это не способствовало облагораживанию нравов. Я видел дикие драки с кольями взрослых людей. К тому же Москва, Ленинград, Вологда и Кострома, как огромные насосы, выкачивали из деревенской местности если не самых лучших, то во всяком случае самых предприимчивых и энергичных. Оставшиеся пили, кто почёрному каждый день, кто при случае. Мимо рта не проносили и женщины, на которых во многих многодетных семьях была главная нагрузка. Нищета порой была ужасающая. Об этом почему-то не любят вспоминать некоторые тоскующие по нашему светлому прошлому и по великому СССР. Почти все мужчины после армии оставались в городах. В деревне обычно

жили те, кто по разным причинам, чаще всего из-за судимости, не мог уехать. Другие до хрущевских времён не имели паспортов, а затем с семьями было уже некуда ехать. Уехавшие в города приезжали на лето в деревню, и нередко выяснялось, что и в городах они не обрели счастье.

В целом с местными жителями мы ладили. Ни с кем старались не ссориться, всегда были приветливы и при случае старались помочь. Я иногда помогал им при вывозе сена и загрузке его на сеновал. Импонировало им и то, что всю тяжёлую неквалифицированную работу я делал сам. А если приходилось прибегать к их помощи, то это всегда оплачивал. Денег они, как правило, не брали, но им нравилось, что я, как положено, ставил на стол бутылку, пил вместе с ними и вёл длинные беседы, с неподдельным интересом выслушивая их рассказы и суждения. Действительно, за плечами каждого из них был уникальный опыт, прикасаясь к которому я лучше узнавал страну.

К середине 1980-х гг. приближающийся крах сельского хозяйства был очевиден, как и бессмысленность происходящего. Полуразрушенные фермы, тощие, неухоженные совхозные коровы контрастно выглядели на фоне откормленных и ухоженных «дочек», как называли хозяйки своих коров. Поля ещё засеивали, но чаще всего уже не убирали. Засеянное поле, находившееся рядом с нашей деревней, последний раз убирали в 1981 г., когда на нем росла пшеница. В последующие годы посеянные горох, лен и т. п. или ушли под снег, или были просто запаханы. Перестройка покончила и с этой имитацией деятельности. Поле превратили в пастбище, оно быстро зарастало, как и поля вокруг остальных брошенных деревень, коих было много в нашей местности. Примерно в десяти из них я побывал во время своих грибных и ягодных походов: это Душино, Ефимовское, Лобаново, Марково, Нелидово, Плосково, Стрелицы, Фёдорово, Полтораново и т. д., находящиеся на разных стадиях исчезновения. Кое-где торчали развалины когда-то шикарных домов, украшенных искусной резьбой. В другие брошенные деревни на лето ещё приезжали дачники из городов, живя на керосинке, в третьих — обитали немногочисленные пенсионеры.

Все эти деревни и села существовали сотни и тысячи лет, располагались в живописных местах, на берегу маленькой безымянной речки в густых лесах, богатых ягодами, грибами и плотно населённых птицами и зверями. Хватило всего нескольких десятилетий колхозного строя, а затем совхозов, чтобы все исчезло. И не плохие дороги, и даже не дураки стали причиной обрушившейся на села беды. Полное бесправие населения и бесконтрольность властей погубили русскую деревню. И за последние два десятилетия положение нисколько не улучшилось, а лишь усугубилось, так как к прежним напастям добавились хаотическая вырубка лесов и засилье мигрантов.

Тем не менее, летние месяцы, проведённые мной в деревне Полстниково, были наиболее счастливыми в моей жизни. Я любил ее как малую родину. Несмотря на то, что большинство домов к тому времени уже исчезло, она оставалась удивительно красивой. С каждым годом все реже и меньше приезжали летние дачники. В последние годы там жили только мы с Наташей и Антонина Ивановна Лебедева со вторым мужем Николаем Ивановичем, к которым на лето приезжали внуки с родителями и родственники. Антонина Ивановна была неутомимая труженица, работала от зари до зари, держала огромное хозяйство ради своих сыновей и внуков в городе. Деревня и все окрестности на несколько километров вокруг были в нашем бесконкурентном пользовании. Характерен мой разговор с Михаилом Ивановым, который жил в Судае, но иногда приезжал в свой домик в деревне на опушке леса, чтоб спозаранку сходить за ягодами и грибами. Он спрашивал: «Эдуард, ты почему в брусничное болото заходил со стороны речки у Стрелиц? Лучше заходить со стороны Душино». Я ему отвечал, да я так и заходил, а у Стрелиц только выходил из болота». Обе бывшие деревни нахо-

дились в нескольких километрах от нашей, но он знал, обнаружив следы, что кроме меня там никто не мог проходить.

Все время, свободное от хозяйственных дел, я проводил в лесу, который полюбил всей душой, ориентируясь со временем в нем не хуже, а чаще всего, и лучше некоторых местных, у которых к лесу сохранялся сугубо утилитарный интерес. Я же иногда часами бродил по нему просто так. Обычно же я собирал душистую лесную клубнику, бруснику, клюкву, чернику, малину, которой в некоторые годы было так много, что куда бы ни пошёл, набирал ведро. Были освоены болота черники и клюквы, урожай которых был стабилен ежегодно, а в некоторых местах все эти ягоды росли вместе.

Самым моим любимым делом был поиск и сбор грибов, ради которых я порой ежедневно проходил по 10–15 километров, хорошо зная, где можно найти лисички, где стоят пни опять, а где в самые негрибные годы можно найти подберёзовики, подосиновики и даже отдельные боровики. Эти места я разведаль сам. Местные, как правило, не любили их показывать. Да им и некогда было. Иногда приносил корзины белых грибов, к зависти некоторых своих соседок, которые ходить далеко или боялись, или из-за возраста не могли. Бывали годы, когда грибы, как говорится, косой косить можно было. Для подберезовиков, подосиновиков и отчасти белых грибов таким было дождливое лето 1993 г., когда я каждый день приносил их по четыре ведра, засушив за 18 дней 11 кг. Хотя мы раздали часть по родственникам, грибов хватило на несколько лет. Были и годы, урожайные на осенние опять, которых в течение несколько дней можно было собирать буквально мешками. В определённых местах ежегодно золотым покровом буквально расцветали большие поляны лисичек.

Адреналин в крови добавляли внезапные встречи с лесными обитателями, в том числе с кабанами, лосями. С медведем, правда, встретиться лицом к лицу не удалось, но и медвежьи следы и свежий помет я не раз встречал на лесных тропинках.

В деревне я наиболее полно ощутил, что такое семья. Хотя забот было много, но их решение, как правило, зависело от наших слаженных действий и единства понимания ближайших целей и задач, очень простых и соответствующих сущности человека: плодиться и размножаться. Сыну Денису, дочери Лизе и их двоюродному брату Павлику было особенно хорошо. Они пользовались свободой, о которой их городские сверстники не могли и мечтать. Компанию им составляли младший сын Антонины Лебедевой и ее племянники. Покушав, они сразу убегали из дома, все время во что-то играли, строили какие-то куренки, ходили на бобровую плотину и т. д. Кроме тещи, их никто не понукал, не воспитывал, не читал нотации. Со временем Денис и Павлик сами стали заядлыми, опытными грибниками, но, из-за конкуренции, предпочитали ходить по одному и также за многие километры. Вообще все дети в деревне приучались с юных лет трудиться на благо семьи. Думаю, что это пригодилось моему сыну и дочери во взрослой жизни, где они создали прочные семьи, воспитывают детей, считаются хорошими специалистами. Павлик также был хорошим отцом, но, к сожалению, трагически погиб в ДТП в 27 лет. Это было одна из самых трагических потерей в моей жизни, а тем более моих детей.

О физиологической пользе русской бани всем хорошо известно. Для нас же с женой, которая раньше никогда не мылась в деревенской бане, она стала важным семейным ритуалом. Каждую субботу рано утром в баню с речки надо было натаскать воды, истопить ее по чёрному, помыть детей, самим вволю напариться, а затем устроить чаепитие со свежим мёдом. Как я уже говорил, пищу нередко приходилось готовить в огромной русской печи. Удивительно, как быстро моя хрупкая жена научилась орудовать ухватами и чугунками и перешла от простого приготовления каш, супов и картошки к выпечке больших пирогов со свежей черникой. Во время деревенских каникул мы с женой лучше узнали друг друга и убедились во взаимной надёжности.

В постсоветский период все сложнее и сложнее стало в деревню добираться. Дети выросли, и, хотя продолжали любить деревню, времени поехать туда на лето у них уже не было. Надо было учиться и зарабатывать деньги на жизнь. Лиза к тому же увлеклась сперва туризмом, а потом и альпинизмом, так что отпуск проводила в горах со своими сверстниками. Со смертью Николая Ивановича в 1997 г., в деревне никто не жил зимой. Грабителям было вольготно обшаривать дома. Вскоре отрубили электричество и сняли провода. Последний раз Денис со своей невестой Леной съездили туда на 10 дней в 1999 г. Из нашего дома уже стали выпиливать окна и двери. Протестовать было бесполезно. К тому же вокруг хищнически вырубали леса. Вековые боры превратились в свалки мусора, и мы решили больше туда не ездить. Но наша деревня Полстникова и сейчас мне часто снится как место, где я и моя семья были счастливы.

***В новой социально-экономической, идеолого-политической
и морально-этической формации***

Меня долго мучили сомнения, которые не развеялись и по сей день, о целесообразности этого раздела, в котором рассказывается о недавних событиях. И дело не только в том, что родные, друзья и коллеги особенно придирчиво будут вчитываться в эти страницы, сверяя, насколько мои суждения совпадают с их представлениями о происходящем. И даже не в том, что этот раздел скорее оставит многих неудовлетворёнными, как это произошло с недавними очень интересными, хотя и не бесспорными, воспоминаниями талантливого учёного Г.Л. Тульчинского о жизни философского сообщества. Они явно не прибавили ему друзей, а уж количество, мягко говоря, недоброжелателей увеличили многократно. Самому трудно остаться в рамках сколь-нибудь приемлемой объективности, отделив существенное от второстепенного. Вот почему в первоначальном варианте рукописи, написанной 7 лет назад, я умолчал о годах перестройки и последовавшем распаде СССР, коренным образом изменившем жизнь каждого из его трехсот-миллионного населения и вызвавшем не только колоссальные геополитические изменения, но ломку стереотипов и собственного мировоззрения.

Сейчас же я решил довести рассказ до наших дней, не взирая на потенциальные опасности. Заранее хочу попросить извинения у всех близких и коллег, если я в чем-то не оправдаю их ожиданий. Я искренне стремился сделать как лучше, и не обессудьте, если получилось как всегда.

«Хотели как лучше, а получилось как всегда»

Это фраза председателя Совета Министров РФ Виктора Степановича Черномырдина уже давно стала универсальным объяснением неоправдавшихся надежд. Тем не менее, можно усомниться в ее оригинальности и точности. Во-первых, мне она кажется перефразировкой известной пословицы: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт». Во-вторых, все-таки в самых трагических ситуациях кто-то получил и получает то, что хотел. И хотя сейчас на каждом углу ругают и саму перестройку, и ее инициатора, и правителей «лихих 1990-х», но каждый должен задать вопрос: а что он лично делал в то время, за кого голосовал, с кем выходил на площади и насколько готов взять ответственность за все происшедшее. Но отвечать никто не хочет, клянут масонов, партаппаратчиков, КГБ, ну и конечно, злых американцев, только и думающих, как погубить святую Русь. Особенно громко их винят те, кто от правил свои семьи жить за океан, а заодно пристроил свои средства в зарубежные банки, а государственные вложил в собственные ценные бумаги. Евреев винить бесполезно, их почти уже не осталось. Ругать кавказцев опасно, могут и прирезать, ведь в столичных городах сла-

вянское население стремительно превращается в меньшинство, а по некоторым данным уже и превратилось. Вряд ли стоит уподобляться пеняющему на зеркало, что, мол, рожа крива. История ещё не вынесла вердикт событиям недавнего прошлого, которое остаётся столь же непредсказуемым, как и ближайшее будущее.

Сейчас многие, кто крепок задним умом, ностальгируют по брежневским временам. Забыли, что к середине 1980-х гг. коренных изменений жаждало большинство населения, в том числе и партийная номенклатура, испытавшая ужас начавшихся репрессий во время недолгого правления Ю.В. Андропова, а тем более шустрые комсомольские функционеры, со студенческих отрядов приобщившиеся к распиливанию государственных средств. В растерянности был репрессивный аппарат, не понимавший, где свои, а где чужие. Антисоветские анекдоты рассказывали коммунисты, в том числе и члены Политбюро. Песни Владимира Высоцкого, далёкие от маршей строителей коммунизма, гремели во всех домах, на всех вечеринках. Во ленинградском Дворце Культуры им. Дзержинского, принадлежащем МВД, выступал Михаил Жванецкий с юморесками, во время которых я спросил жену: «Брать где будут, в зале или при выходе?», — так как по прежним временам сам факт присутствия на подобных концертах грозил большими неприятностями. Не срабатывали попытки дать стране новые идеологемы типа антисемитизма и русского шовинизма. Евреев становилось все меньше, а за время пролетарского интернационализма произошла интенсивная гибридизация разных народов и наций, сливающихся в новую историческую общность «советский народ». И в этой массовой гибридизации активно участвовали исконные русские в силу своей традиционной открытости к другим культурам.

Страна жила в какой-то фантазмагории. В успешное построение коммунизма не верил никто. Сакраментальность власти сошла на нет. Да она и не могла дать какие-то новые идеи. Все сводилось к прежним комсомольским починам, типа фотографирования перед Знаменем победы. Прошедшие в 1980 г. в Москве Олимпийские игры по составу участников напоминали больше Спартакиаду народов СССР. Деньги у людей были, но купить на них ничего уже было нельзя. Все доставалось с заднего хода магазина. Для этого даже не нужно было иметь там знакомых. Достаточно было постучаться и заплатить наличными. Экономика деградировала, промышленность производила никому не нужные товары, запасы оружия в стране сравнялись с общемировыми. Высшее образование плодило переизбыток инженеров, не желающих идти на производство. Гуманитарии избегали школ. Иностранцы отделения филологических факультетов заканчивали люди, не общавшиеся с носителями живого языка. Безрадостным было и геополитическое положение страны, оставшейся фактически без союзников. Из вечного друга Китай окончательно превратился в заклятого врага. Особо близкие друзья из «развивающихся стран», строя справедливое общество, не брезговали каннибализмом, постоянно требуя интернациональной помощи. Друзья по социалистическому лагерю жаждали остаться без опеки старшего брата, несмотря на практически бесплатные нефть и газ. За «бугор» устремляли свои взоры практически все братские народы СССР. Особенно непримиримую позицию занимали православные народы Закавказья и единоверцы из Западной Украины, а также страны Прибалтики, спасённые Советской армией от практики национал-социализма. Провозглашённая новая общность людей — советский народ — на глазах превращалась в Вавилонское столпотворение с Содомом и Гоморрой впридачу. Интеллигенция с утра до вечера пила, рассуждая об особом призвании народа. Всех не согласных с этим объявляли русофобами, а заодно и агентами американского империализма. Доктора философии тайком крестились, не расставаясь при этом с партбилетом.

Газетам никто не верил, даже если в них писали правду, особенно о жизни за рубежом. Всю информацию поставляли «голоса». В то же время, хотя недовольство было всеобщим,

никто не спешил встать под знамёна диссидентского движения, так как трудно было разобраться, кто в него заброшен от них, а кто от нас.

Вот почему поданный в 1885 г. сверху М.С. Горбачевым сигнал о необходимости реформ был с энтузиазмом воспринят большинством, но вскоре процесс стал неуправляем. Недавно мой однокурсник Юра Фурманов сказал, что я диссидент при любой власти. Он не прав, я не был и не собираюсь стать диссидентом, так как никогда не занимался и не буду заниматься политикой. Сочувствуя попыткам реформировать страну и КПСС и веря в построение социализма с человеческим лицом, я не собирался отказываться от науки ради политической деятельности. Так вообще-то поступали в те годы и многие другие члены клуба творческой интеллигенции — «Ленинградской трибуны», регулярно обсуждавшие злободневные вопросы в 1989–1991 гг. и старавшиеся донести свое мнение до общественности. Эти заседания, проходившие в Доме литератора или в редакции журнала «Звезда», нередко посещали популярные тогда политические деятели Ленинграда, включая Анатолия Собчака, Марину Салье, Петра Филиппова, Юрия Нестерова.

Но быстро стало ясно, что борцы за народное счастье заботятся, прежде всего, о себе и о своих близких. У них не было никакой идеологии и продуманной программы действий. Как и другие мои единомышленники в то время, я не принял ГКЧП, но и не испытал эйфории по случаю победы ее оппонентов, которые сразу же приступили к тому, ради чего и звали нас на баррикады: делить и распределять. Только делали это теперь не кулуарно, а открыто и цинично. Разграбление страны шло под лозунгом приватизации. Уголовный мир, слившись с властью, создал новую форму общественного правления — «кремленитет», олицетворением которого был «малопьющий» президент с замашками пахана. С властного Олимпа исчезли последние остатки профессионалов, а их места заняли все те же представители партийно-комсомольской номенклатуры, которая уже могла действовать без оглядки на КГБ и МВД и не бояться допросов в «МУРе». Воцарилась идеология «бабла», которой были верны все партии, независимо от их названия.

Распаду СССР я отнюдь не радовался, так как он поломал жизни десяткам миллионов людей, опустив многих из них на дно беспросветной нищеты и бесправия. И сегодня надо признать, что никто не сделал так много для дискредитации идей демократии и либерализма, как люди, управлявшие страной в лихие 1990-е.

Недавно в журнале «Политическая концептология», выпускаемом одним из самых вдумчивых, неангажированных российских политологов, профессором Южного федерального университета Виктором Павловичем Макаренко, я прочитал, что Юрий Афанасьев, один из лидеров либерального лагеря в разгар перестройки, автор хлесткого термина «сталинско-брежневское агрессивное большинство», теперь считает, что его самого и других лидеров межрегиональной группы следовало бы в 1989 г. расстрелять, как предателей. Это у многих вызвало чувство неловкости как высказывание неадекватного человека. Но нельзя отказать Афанасьеву в честности и мужестве. Многие из активных участников тех событий, убедившиеся, что в результате произошла геополитическая катастрофа, перекроившая карту Евразии, но не принёсшая мир и спокойствие, думают идентично.

Дело не только в распаде страны, которую многие воспринимали как огромную Родину, дающую набор социальных гарантий и возможность самореализации в областях, не связанных с политикой и идеологией. Распад СССР — это трагедия не только русского народа и русской культуры. Не менее трагичным он оказался для других народов, задвинув их на задворки мировой истории. Но самое главное в ином. Рухнула многовековая мечта человечества построить общество социальной справедливости, без частной собственности и классовой разобщённости, и вместо тоталитарного государственно-бюрократического социализма

возникло странное общество — без моральных и этических ценностей и без элементарного уважения к профессионализму.

Статус учёного в обществе сильно изменился, усиливался антисциентизм. Многие стали считать, что научная деятельность не требует длительного обучения и каждый может заниматься, чем угодно, выдавая плагиат и компиляцию за диссертационный труд, написанный «под ключ» отнюдь не диссертантом.

Российская наука погрузилась в продолжительный кризис, когда финансирование уменьшилось в десятки раз и оставалось низким в течение ряда лет. Положение было особенно тяжёлым в 1990–1992 гг. Ежемесячная зарплата сотрудников равнялась 10–15 долларам, которые выплачивали с задержкой порой в несколько месяцев. Невыплаты зарплат заставляли искать любые дополнительные заработки, что неизбежно сказывалось на качестве научной работы. Для моей семьи серьёзным подспорьем стали овощи, выращенные на садовом участке под Вырицей, который я получил в 1990 г. и который мы вместе с сыном раскорчевали. От станции до участка надо было идти более 5 км, и осенью было тяжело тащить на себе урожай, которого хватало лишь на несколько месяцев.

В Академии наук рухнула существовавшая система публикаций плановых тем. В Санкт-Петербургском филиале ИИЕТ, так в 1991 г. назывался ЛО ИИЕТ, в 1992 г. не было напечатано ни одной книги. От сотрудников требовался теперь не столько профессионализм, сколько навыки лоббирования своих работ среди вновь возникающих книгоиздательств, а также умение искать средства для исследований и публикаций их итогов. Не все оказались готовы к этому. Часть отчаявшихся историков науки, лишённых возможности кормить семью научным трудом, не желали работать над плановыми темами. Один из них мне сказал прямо: «Ты хочешь работать — работай, а нам не мешай жить». И ничего не оставалось, кроме того, что с начала и до конца самому готовить рукопись по общей плановой теме. Падала трудовая дисциплина. Многие не появлялись на работе месяцами, так как при регулярных посещениях на транспорт уходила чуть ли не вся зарплата. Наряду с отъездом многих за границу, шла внутренняя миграция, резко возросла текучесть кадров, реорганизационная суэта.

Статус учёного неформально стали оценивать по критерию: кого и сколько раз пригласили за границу, куда порой ездили и те, кто знал английский или немецкий язык, но был абсолютно невинен в вопросах истории науки. Было среди них немало просто самозванцев, которые гастролировали по странам Европы, выдавая себя за экспертов по истории российской науки. На разного рода зарубежных конференциях я неожиданно открывал для себя ведущих историков науки в России. Одну из таких дам я встретил в Страсбурге на очень престижной конференции, организованной Всеевропейской академической рабочей группой. В ней участвовало около 400 человек. Вместе со мной она входила в Оргкомитет как представитель РАН, чем вызвала удивление со стороны историков из бывших союзных республик (Украины, Белоруссии и Литвы), ещё знавших, кто есть кто в историко-научном сообществе России. Увидев, что я не собираюсь устраивать «разоблачение» ее, она мне поведала, что попала сюда благодаря знакомству ее мужа с одним из организаторов конгресса. Оказалось, что она уже несколько лет ездит по Германии с лекциями по истории русской науки. Сама же она в Академии наук не работала, читала лекции в одном из университетов Ленинградской области, созданных в постперестроечное время. А вся ее связь с историей науки ограничилась двухчасовой лекцией, которую она читала как введение к курсу по физиологии. Впоследствии некоторые из неофитов даже получили PhD за рубежом, скомпилировав труды своих российских коллег. Но я не знаю ни одного, из которого бы получился профессионал.

В Страсбурге я встретился также с активной группой «историков техники» с Южного Урала. Один из них обратился ко мне с вопросом, почему в своем обзоре историко-научных исследований в современной России я ничего не сказал об их центре, где уже защищено

несколько докторских диссертаций. На мой вопрос, кто же им присудил эти степени, он наивно ответил, что обычные советы по специальному разрешению присуждали докторскую степень по истории науки, о которой подавляющее большинство голосовавших не знало ничего. На что я ему сказал, что уже Д.И. Фонвизин знал, что только первый портной ни у кого не учился, а уже второй портной должен был у него учиться. Мой ответ привёл его в состояние крайнего удивления. Эта мысль, очевидно, ему никогда раньше не приходила в голову. Более того он был уверен, что историей может заниматься каждый. Жаль, что это мнение разделяет ВАК, неизвестно по какому принципу утверждавший Специализированные советы при учреждениях, не имевших никакого отношения к истории науки.

Ещё больше был удивлён я, когда у меня спросили о целесообразности открытия в Уфе некоего филиала нашего ИИЕТ с правом защиты там диссертаций. Я выступил категорически «против», указав, что в таком случае защитившие будут отождествляться со специалистами, подготовившими диссертации в аспирантуре и докторантуре нашего института. Тем не менее, этот «центр историко-научной мысли», судя по всему, успешно функционирует. Недавно мне на глаза попались две диссертации о развитии газонефтяного комплекса на Южном Урале, напоминающие собой близнецов-братьев.

Вообще в вопросах защиты диссертаций я со временем занял непримиримую позицию по отношению к разного рода проходимцам. Не всегда мне удавалось убедить членов Советов отклонить диссертации, не соответствовавшие высоким стандартам, но я выступал открыто и находил поддержку тех, кто не желал мириться с разного рода административным соображениями. Вместе с Е.Б. Музруковой нам удалось отбить притязание одного из подобных претендентов на получения степени доктора биологических наук несмотря на звонки из Государственной думы, Президиума РАН и даже бывшего генерал-полковника ФСБ. Так что противостоять липовым диссертациям, не только нужно, но и можно. Было бы только желание и воля.

«Это даже хорошо, что пока нам так плохо»

Эти беды не обошли стороной и ЛО ИИЕТ в начале 1990-х гг. Как и другие члены российского научного сообщества, сотрудники СПбФ ИИЕТ переживали шок, когда выяснялось, что не только правительство, но и российское общество не уверено в том, что ему нужна наука. Начал культивироваться миф о безнадежной отсталости нашей науки, в том числе и истории науки, вследствие её политизированности и идеологизированности. Взамен предлагали встать на позиции социального конструктивизма, заменяя работу с архивами и источниковедческий анализ умозрительными построениями.

Для такой позиции были объективные причины, связанные с тем, что в течение долгого времени социальная история науки или игнорировалась, или трактовалась упрощенно — в духе исторического материализма. В то же время поверхностное знакомство некоторых начинающих исследователей с макро- и микросоциологическими методологиями в области истории науки создавало у них иллюзию возможности мгновенного обретения истины путём наклеивания на реальный процесс развития отечественной науки разного рода историко-научные концепции, имевшие хождения за рубежом, но мало известные в сообществе российских гуманитариев. Увлечение социальным конструктивизмом вело к игнорированию когнитивной составляющей в истории знаний. Учёные в иных трудах по социальной истории науки превращались в субъектов, занятых только поисками денег и конкуренцией с соперниками за обладание материальными, финансовыми и людскими ресурсами, одержимых жадной властью и успеха любой ценой.

Особенно досталось истории отечественной биологии, для описания которой до этого использовали два цвета: белый и чёрный. Открывшиеся архивы способствовали разрушению мифов о бескорыстных искателях истины в «белых одеждах», что породило стремление изображать всех участников тех трагических событий, символом которых стал разгром генетики и торжество лысенкоистов, в единых серых тонах. Другой опасностью стали попытки подменить исследования всякого рода компиляциями. Организация и издание так называемых «энциклопедий», где многие статьи содержат такое количество фактических ошибок, что на обложке подобных «трудов» следовало бы написать: «до прочтения сжечь», также вело к снижению уровня профессионализма. В том же ряду находится и проект Википедии.

Под лозунгом реформирования были попытки размыть тематику историко-научных исследований, развернув в его стенах разного рода культурологические и философские исследования. В истории науки стал моден постмодернизм с неким плюрализмом без берегов и методологией эпистемологического анархизма. Историю науки пытались представить в виде «Гайд-парка», где всякий может говорить и писать все, что угодно. Под грифом «Международного фонда по истории науки», юридическим адресом которого на некоторое время стал СПбФ ИИЕТ РАН, стали выходить труды по экономике, юриспруденции и т. д.

В то же время в постсоветском пространстве были и позитивные изменения, хотя в стране царил произвол. Часто по улицам, которые захватили вооружённые банды, было опасно ходить. Впервые учёные смогли ощутить, что значит сладкое слово «свобода», когда ты сам решаешь: чем, когда и как заниматься, с кем сотрудничать, а кого избегать, куда поехать, в чем участвовать, а от чего отказываться. Перестройка стимулировала самостоятельность научного поиска и расширение круга исследуемых проблем. Эта тенденция вела к отказу от прежних парадигм и методологий, к либерализации международных контактов и т. д. Исчезла цензура, а с ней запретные темы и идеолого-политический контроль над планами исследований и публикациями их результатов. Доступнее стали отечественные и зарубежные архивы. В миграции было что-то и очистительное в переживаемом кризисе. Из науки уходили те, которые могли без нее прожить, те, кто поняли, что она теперь не сулит ни карьеры, ни доходов.

У дирекции появилась большая свобода в проведении кадровой политики и преобразовании структуры ЛО ИИЕТ, а у коллектива — право участвовать в выборе руководителя. После добровольного отказа Э.П. Карпеева от руководства ЛО ИИЕТ в ноябре 1987 г. коллектив впервые избрал заведующего. Им стал кандидат философских наук А.И. Мелуа, который энергично взялся за решение многих назревших административных проблем и добился превращения Ленинградского отдела ИИЕТ в Ленинградское отделение, в котором был создан Учёный совет с правом утверждения рукописей к печати, что в значительной степени облегчило издательство научной продукции сотрудников ЛО ИИЕТ. Введение в 1986 г. системы аттестации научных сотрудников сделало ненужными их поездки в Москву для прохождения конкурсов на Учёном совете ИИЕТ. За короткий срок почти в два раза увеличился штат, достигнув 65 человек. Коллектив помолодел, хотя возросла текучесть кадров. Нередко появлялись случайные люди, малопригодные для научной деятельности. В 1991 г. ЛО ИИЕТ стал называться Санкт-Петербургским филиалом ИИЕТ им. С.И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ). Возросла его независимость от головного института в Москве, что напрямую было связано с нарастанием центростремительных тенденций и появлением новых форм финансирования.

ЛО ИИЕТ был инициатором многих значимых мероприятий, в которых мне пришлось участвовать. Неожиданное продолжение получило сотрудничество с Марком Б. Адамсом. Начиная с 1987 г. он бомбардировал меня письмами-проектами по подготовке к печати на русском и английском языках выявленной нами в 1977 г. переписки Ф.Г. Добржанского с его учителем Ю.А. Филипченко. С этой целью М.Б. Адамс приехал в СССР, и мы с ним и М.Б. Конашевым разработали программу, предполагавшую серию конференций в СССР и в США. Во

время заседания Комиссии по американо-советскому сотрудничеству в области истории науки проект был утверждён в самом общем виде, без указания исполнителей с советской стороны, так как ещё действовало прежнее правило, что начальство лучше знает, кто достоин лучше представлять нашу страну в международных проектах.

В те годы США многим представлялись «землёй обетованной», а участие в проекте Национального фонда — актом мирового признания. Поэтому оказалось немало жаждущих участвовать в этом проекте, но не способных что-то реально сделать. В связи с этим наступила пауза в его реализации, и только спустя два года ко мне обратились вновь с предложением организовать конференцию в Ленинграде в связи с 90-летием со дня рождения Ф.Г. Добржанского. С американской стороны ее председателем был М.Б. Адамс, а с советской — С.Г. Инге-Вечтомов. Конференция финансировалась АН СССР и проходила она в Главном здании АН СССР на Университетской наб. В ней участвовали более 300 отечественных и 18 зарубежных исследователей: из США, Италии, Канады, Греции, Югославии. Симпозиум проходил на английском языке и стимулировал многие международные проекты. Основной объём организационной работы выполнили М.Б. Конашев, Н.Л. Кременцов и С.А. Орлов. Материалы симпозиума были опубликованы в 1994 г. в США в книге «Эволюция Феодосия Добржанского», под редакцией М. Адамса.

В начале 2000-х гг. была реализована главная цель проекта — издание переписки Ф.Г. Добржанского с Ю.А. Филипченко, куда также вошли письма Добржанского к Н.И. Вавилову и В.И. Вернадскому. Вопреки первоначальным планам книга вышла только на русском языке, так как к тому времени интерес в США к ней пропал. Вся основная работа по дешифровке материалов, написанию комментариев, редподготовке была выполнена М.Б. Конашевым, моё участие как ответственного редактора было эпизодическим. Книга «У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге» (2002) стала уникальным документальным источником для изучения периода создания, интенсивного развития и всемирного признания отечественной генетики и ее взаимодействия с американской генетической школой Т. Моргана, а также для изучения истории русской миграции в США.

В начале перестройки по инициативе Р.С. Карпинской я подготовил большую рукопись, посвящённую дискуссиям о взаимоотношении биологии и марксизма в 1920-е гг., для коллективной монографии, которая, однако, не вышла. Собранный материал был использован при написании с С.А. Орловым небольшой книги «Философские проблемы биологии в СССР (1920–1960 гг.)». В ней был поставлен вопрос о противоречивой, а порой и трагической судьбе многих крупных советских биологов, поверивших в плодотворность марксизма для развития биологии и открывших тем самым путь в науку для многих ее губителей типа И.И. Прейзента.

По предложению М.Г. Ярошевского, готовящего тогда к изданию два тома «Репрессированная наука», первый из них открывался моей статьёй о печальных итогах различных попыток диалектизировать биологию. В книгах были опубликованы также интервью, проведённые мною с активными участниками трагических событий тех лет, включая бывших ректоров ЛГУ чл.-корр. АН СССР Ю.И. Полянского и академика А.Д. Александрова, физиолога, академика А.М. Уголева, генетика В.С. Кирпичникова и мн. др. Часть этих интервью проводилась мной совместно с московскими коллегами Е.Б. Музруковой, В.И. Назаровым, К.О. Россияновым, Л.В. Чесновой, Публикация бесед стала одним из первых опытов целенаправленного использования методологии «устной» истории в отечественной историко-научной литературе. Поскольку к каждому интервью приходилось тщательно готовиться, изучая архивные материалы, газетные фонды и публикации прошлых лет, было интересно наблюдать за абберрацией памяти интервьюируемых, их интерпретации происшедшего, в том числе и собственных поступков. При этом удавалось узнать много нового, что не отложилось ни в одном архи-

ве. Работа с Михаилом Григорьевичем Ярошевским, историком психологии и науковедения, расширила арсенал моих исследовательских приёмов, оказавшихся полезными в международных проектах.

Среди них главным стал немецко-русский проект «Образованные слои при тоталитарных режимах», руководителем которого был крупный немецкий историк, директор Института истории восточной Европы Тюбингенского университета Дитрих Байрау. Он прекрасно говорил по-русски, так как в молодости подолгу жил в СССР, учился в МГУ, имел немало друзей среди петербургских историков. Получив финансовую поддержку от Ваген Штифтунген, Байрау в мае 1994 г. провёл Большую конференцию во Франкфурт-на-Майне, в которой участвовали и российские учёные, в том числе из Санкт-Петербурга архивист В.С. Соболев и специалист по развитию высшего образования в Ленинграде А.П. Купайгородская. Вернувшись из командировки, В.С. Соболев сказал мне, что Байрау интересовался мной и просил сообщить мой адрес. Я решил сам написать ему. В ответном письме Байрау сообщил, что планирует приехать в Санкт-Петербург осенью, и выразил желание встретиться. После долгой беседы он предложил мне также участвовать в этом проекте. Был подписан контракт, в котором я должен был подготовить статью и обзор архивных материалов в объёме 100 с. За это мне в течение трех лет выплачивалась ежемесячная стипендия в размере 200 марок. Сумма, конечно, кажется мизерной, примерно 4 тыс. рублей, но тогда она в несколько раз перекрывала мою зарплату. Работа над проектом, растянувшаяся на три года, оказалась важной не только в финансовом, но и в научном отношении, о чем я подробнее расскажу ниже.

Здесь же отмечу только, что с самого начала у меня установились с Байрау товарищеские отношения. Мы были с ним близки по возрасту, и, хотя жили в разных странах, но имели единое ощущение прошедшей эпохи и одинаково воспринимали современность. В юности у нас были одни и те же фильмы, писатели, мы помнили политических лидеров нашего времени, идиотизм идеологий Холодной войны, разделивших человечество на два непримиримых лагеря. Но самое главное, мы действительно не забывали, что недавно была большая война, которая принесла несчастье сотням миллионов людей. И на нашем уровне надо делать все, чтобы топор войны между нашими странами был зарыт навсегда. В дальнейшем, общаясь с учёными разных стран, я не раз убеждался, что легче найти общий язык со сверстником из Японии, Китая, США, Германии, Англии, чем с соотечественником младше меня на 10–15 лет. Это можно было бы назвать эффектом поколения.

В те годы приходилось браться за любую работу в области науки, как бы она ни была далека от традиционных интересов. Но нередко случалось так, что со временем новая тема становилась важной. Так произошло с предложением участвовать в подготовке многотомного энциклопедического издания «Три века Санкт-Петербурга», для которого я написал пару десятков статей по российской биологии XVIII века. Впоследствии я не раз обращался к этой тематике, написал несколько больших статей и даже совместную с А.К. Сытиным и Г.И. Смагиной книгу «Естественная история в России» (2004), в которой постарался становление и развитие биологии в России проанализировать в социально-культурном контексте. При изучении формирования отечественной биологии и роли первых российских биологов в предопределении основных направлений в познании живого мной был использован «принцип основателя» Э. Майра.

В дальнейшем я расскажу о более значимых результатах моего обращения к истории биологии XVIII в., прежде всего, об энциклопедическом справочнике «Биология в Санкт-Петербурге», реализация которого состоялась 20 лет спустя. Здесь же остановлюсь на проекте, который начался в 1992 г. и продолжается по сей день, хотя первоначально я ни за что не хотел в него включаться.

В годы глубокого кризиса российской науки, в первой половине 1990-х гг., поддержка со стороны зарубежных фондов и зарубежные командировки были чуть ли не основными средствами сохранения историко-научного сообщества Санкт-Петербурга. Этому способствовали упрощение бюрократических процедур и отмена государственной регламентации международного сотрудничества. По действующим в большинстве стран правилам облегчённая процедура для приглашения на стажировку действовала лишь для учёных до 40 лет. Им были доступны разнообразные программы постдоков. Для остальных же процедура была достаточно сложна — как для тех, кого приглашали, так и для тех, кто хотел пригласить. К тому же для длительной поездки за рубеж надо было владеть иностранными языками. И хотя я более или менее следил за литературой не только на немецком языке, который учил со школы, но и на английском, который выучил практически самостоятельно на немецкий манер, совершенно не заботясь о произношении, овладеть разговорным языком, несмотря на все усилия со стороны моей жены Наташи, мне не удалось. Да я и не стремился, так как твердо знал, что невыездной. Иностранцы визитёры в ЛО ИИЕТ или сами говорили по русски, или всегда находился переводчик для наших бесед. С возрастанием контактов с западными исследователями выявилась актуальность разговорных навыков, что оказалось нелегко. Поэтому я, как правило, уклонялся от приглашений зарубежных коллег и не предпринимал никаких усилий в этом направлении. Вместе с тем при случае я старался помочь зарубежным партнёрам, жаждущим изучать историю биологии в России. Так, например, в те годы у меня был магистрант, а затем и аспирант из США Ллойд Аккерт.

В июне 1992 г. Э.И. Воробьева из московского Института эволюционной морфологии и экологии им. А.Н. Северцова обратилась ко мне с просьбой помочь в поисках архивного материала по Г.В. Стеллеру историку науки из Лейпцигского университета, Виланду Хинтцше, с которым познакомился ее коллега Юрий Юриевич Дгебуадзе во время визита к профессору зоологии университета в Галле М. Штуббе. Когда Хинтцше прибыл в Санкт-Петербург, одна из сотрудниц нашего сектора — Людмила Николаевна Карышева — взяла на себя заботу о его быте. Он поселился у нее на квартире, а ее муж и сын фактически стали его личными шофёрами. Преступность в тот год в Петербурге была огромная, и для Хинтцше такой способ был безопасным, а в финансовом отношении необременительным. Со временем у них завязалась прочная многолетняя дружба семьями.

Со своей стороны я познакомил его со многими сотрудниками академических учреждений, которые могли быть полезными. Прежде всего, это был директор Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН В.С. Соболев, который дал ему возможность ознакомиться с огромным количеством архивного материала по Второй Камчатской экспедиции, в том числе и с неопубликованными рукописями самого Стеллера. В благодарность Хинтцше стал уговаривать меня приехать в Галле в порядке академического обмена с Лейпцигским университетом. Вначале я отнекивался, так как у меня не было денег даже на билет. Да к тому же я не понимал, чем могу сделать для зарождающегося проекта как исследователь, а в качестве туриста ехать не хотел. Но Хинтцше обещал оказать содействие в поисках литературы по моей плановой теме о неокатастрофизме, а деньги на билет (70 долларов — моя полугодовая зарплата в то время) одолжил друг моего сына Витя Доргостайский, который учился в 10 классе. Я специально заостряю внимание на подобных деталях, чтобы было понятно, в какой ситуации оказалась советская профессура в результате ельцинских реформ. Именно в них кроются причины отката российской науки, в котором учёных сейчас винят люди, сделавшие карьеры благодаря Ельцину. Особенно меня умиляют крики об американском спекулянте Соросе, который якобы скупил российскую науку. Могу точно сказать, что благодаря ему тысячи учёных остались в России, а не отправились в другие страны или в другие сферы деятельности с элементарной целью как-то прокормить семью. Лично для меня грант «Открытого общества»

по программе «Биоразнообразие» в размере 500 долларов был очень кстати, но не мог существенно изменить финансовую ситуацию. Хотя я был включён в число выдающихся учёных России и мне выплачивалась президентская стипендия, мы жили скромно, и основным добытчиком в те годы была жена, преподававшая в лицее и на вечерних курсах. Как выживали другие, я не знаю.

Возвращаюсь к моей поездке в Германию. Она неожиданно оказалась удачной, позволив пережить лихолетье и вернуть некую веру в счастливое его завершение. Хинтцше предложил мне поселиться у него дома, а выданные на гостиницу деньги (на 20 дней) забрать с собой. По тем временам в России это были сумасшедшие деньги, примерно равные моей зарплате за 10 лет. Конечно, было страшно их везти с собой, так как пересекать надо было 7 границ, а на некоторых, например, на польской, деньги могли забрать сами пограничники. Весьма жёсткий досмотр был на белорусской границе, которые ещё стерегли офицеры бывшего СССР.

Поездка позволила в течение нескольких недель наблюдать жизнь немецкой семьи. Супруга Виланда Хинтцше — Элизабет — происходила из семьи потомственно практикующих врачей. В довоенной Германии у них была аптека и небольшая клиника в центре Галле, которые им вернули в частное владение. Виланд был не слишком загружен служебными обязанностями и вёл домашнее хозяйство, но машину водила Элизабет. Очаровательная молодая женщина оказалась гостеприимной, заботливой хозяйкой, и к тому же русофилкой. Ее дедушка служил врачом во время Второй мировой войны, потом был в советском плену и вернулся оттуда здоровым и почему-то благодарным России.

В Германии, где я бывал около 30 раз, проведя в общей совокупности около 2 лет, я ни разу не встречал людей, в чем-либо обвиняющих советских солдат. Напротив, я несколько раз встречался и разговаривал с фрау, которым весной 1945 г. было около 20 лет, но которые всю жизнь помнили какого-то Ваню Иванова из Новгорода, и просили его отыскать и даже пытались передать деньги. Вообще они все знали, что в России плохо, сочувствовали и по мере сил пытались помочь.

Виланд, как и его друзья, также старался сделать моё пребывание в Галле полезным и приятным. В одно из воскресений мы поехали в турне в бывшую ФРГ. Путешествие повергло меня в шок. Даже Галле, входивший в ГДР, казался мне процветающим на фоне нищего, грязного Петербурга, превращённого после развала СССР в громадную барахолку. Брауншвайг же из бывшей ФРГ выглядел просто ослепляющим.

Я был одержим идеей организовать крупномасштабный проект «русско-немецкие связи в области биологии» и искал партнёров в Германии, смутно представляя практику организации подобных проектов в Германии. Благодаря Виланду я познакомился со многими историками науки в Германии, которые оказались потенциальными партнёрами. По-русски говорить тогда почти никто не хотел, мне пришлось вести переговоры по-английски, и, как ни странно, первоначальный контакт был установлен. Прежде всего, это Э. Краузе из Дома-Музея Эрнста Геккеля в Йене, вице-президент Общества истории и теории биологии, только что созданного в Германии. В Берлине я гостил у Рольфа Лётера, который в свое время опубликовал рецензию на нашу с К.М. Завадским книгу «Эволюция эволюции». Он был признанным в мире специалистом по философии и истории биологии, но после объединения с Германией оказался без работы, так как Академию наук ГДР закрыли, а его досрочно отправили на пенсию. Его ученик Клаус Вениг работал в воссозданной Берлинско-Бранденбургской академии наук. Вместе с Лётером, который сопровождал меня по Берлину в течение трех дней, я навестил Гюнтера Петерса, работавшего в Музее естественной истории. Он был учеником моего преподавателя по зоологии Льва И. Хозацкого и прекрасно говорил по-русски. В свое время он написал большую рецензию на книгу «Развитие эволюционной теории в СССР».

Хотя никто из них в тот момент не мог предложить мне какое-то реальное сотрудничество, знакомство оказалось полезным, так как их рекомендации звучали весомо. В то время Германия ещё не была отягощена грузом ответственности за Европейский союз. Ее экономика процветала, а правительство, ценя оказанное СССР содействие в мирном объединении ФРГ и ГДР, всячески поощряло научные контакты с Россией. Десятки немецких фондов охотно финансировали проекты с участием российских учёных, оплачивая их пребывание и проезд. Более того, оплачивались проводимые в России конференции и публикации по совместным проектам. Ситуация была унижительная, российская наука стала какой-то европейской побирушкой. Но немецкие учёные искренне сочувствовали российским коллегам и старались им всячески помочь.

Поездка оказалась для меня очень полезной в научном отношении. Во время посещения с Хинтцше Института истории медицины и естествознания в Лейпциге, где я сделал доклад о вкладе советских биологов в познание эволюции биосферы, мне удалось найти немало книг, опубликованных в Веймарской республике или в Третьем Рейхе. Ни одной из них не было в библиотеках СССР. Ценная для меня литература была и в Библиотеке Академии естествоиспытателей Леопольдина, куда я ходил практически каждый день, как на работу. У Элизабеты Хинтцше в поликлинике был ксерокс, на котором она позволила копировать необходимые материалы. В итоге у меня практически не было ни минуты свободного времени, Утром я шел в Библиотеку Леопольдина, в полдень обедал в частной клинике Елизабет, где копировал материалы, отобранные в первой половине дня, после обеда снова шёл в библиотеку, а, возвращаясь домой, вновь заходил в поликлинику на ксерокс. В итоге за короткий период времени собрал огромный объем материала по плановой теме, который впоследствии вылился в книгу «Неокатастрофизм или селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза?».

В ходе переговоров с В. Хинтцше в России и Германии был разработан совместный проект СПбФ ИИЕТ, СПФ АРАН и Лейпцигского университета «Георг Вильгельм Стеллер». После подключения к этому проекту фонда Франкеше Штифтунген началась работа по поиску архивного материала, а также подготовка публикаций и конференции по Второй Камчатской экспедиции, в которой из сотрудников СПбФ ИИЕТ РАН участвовали В.С. Соболев, Э.П. Карпеев, Ю.Х. Копелевич, А.Б. Кузнецова, К.В. Манойленко, Н.И. Невская. С 1994 г. в практику вошли ежегодные русско-немецкие конференции в Галле, посвященные истории изучения Сибири в XVIII в. В 1996 г. в Галле состоялась грандиозная выставка «Великая Северная экспедиция: Нетерпение и отчаяние», посвящённая 250-летию со дня смерти Г.В. Стеллера, а в 2009 г. прошли юбилейные мероприятия в Виндсхайме, Халле, Тюмени и Санкт-Петербурге в связи с 300-летием со дня рождения Г.В. Стеллера. В 1997 г. в рамках этого проекта мной была составлена, а спустя 12 лет существенно переработана и дополнена книга «Стеллериана в России», насчитывающая около 400 названий, в число которых входят труды самого Г.В. Стеллера, его биографии, труды об эпистолярном и научном наследии Стеллера или работы, написанные с использованием его рукописных трудов в изданиях XVIII–XIX вв., а также материалы Второй Камчатской экспедиции. Во втором издании особое место заняли краеведческие материалы последних десятилетий, в которых анализируется вклад Г.В. Стеллера в познание отдельных регионов Сибири, Дальнего Востока и Аляски. В их подготовке активно участвовали Д.А. Гоголев, О.О. Кох и В.В. Рыкова. Инициатором второго издания выступил профессор Тюменского университета Александр Павлович Ярков, который развернул огромную работу по пропаганде научного наследия и увековечивания памяти Г.В. Стеллера.

В 2007 г. было создано международное общество Г.В. Стеллера с целью подробного изучения жизнедеятельности и научного наследия учёного. Позднее В. Хинтцше, В.С. Собо-

лев, американский историк географии О.В. Фрост и я были избраны почетными членами этого общества. В целом наш проект оказался одним из самых долговременных и продуктивных.

Этот проект представлял интерес не только с историко-научной точки зрения. Было удивительно наблюдать, как полузабытая в России фигура великого путешественника и биолога, первого натуралиста, вступившего на Аляску, учителя С.П. Крашенинникова и автора известной во всем мире книги «Описание земли Камчатки», благодаря усилиям одного энтузиаста, Хинтцше, вдруг становится объектом исследований многих стран. О нем выпускают сотни статей, выходят десятки крупных томов его неопубликованных трудов, кинематографисты снимают о нем художественные и документальные фильмы. В юбилейном году я консультировал кампанию Peter Prestel Filmproduktion, которая по заказу Баварского ТВ (Bayerischen Rundfunk) снимала документальный телефильм о жизни и деятельности Г.В. Стеллера. В 2013 г. такой фильм сняли голландцы, которые в интервью со мной долго не могли понять, почему в Петербурге, где работал Стеллер, и откуда он отправился в свое знаменитое путешествие и куда поступили богатейшие естественно-исторические коллекции, нет ни только памятника, но даже мемориальной доски, посвященной первооткрывателю Аляски. И при этом в городе есть десятки Советских, Красноармейских и прочих улиц. В этом отношении далёкая Тюмень, где был захоронен Стеллер, оказалась более благодарной, чем «культурная столица Европы». Там при поддержке губернатора активно реализуется программа, направленная на разработку научного наследия Стеллера, сооружён ему памятник.

В эти годы произошло моё возвращение к преподавательской деятельности по совместительству на философском факультете СПбГУ. Причиной этого стал кадровый кризис, обусловленный обнищанием профессорско-преподавательского состава. Многие из них ушли в бизнес порою не очень удачный. Не было энтузиазма и у студентов, занятых добыванием хлеба насущного. Поэтому приходилось не только серьёзно готовиться к каждой лекции, но и вести с ними длительные дискуссии, убеждая в полезности приобретаемых знаний по философии биологии. Видимо, в какой-то степени это удалось, так как вскоре меня попросили читать и другие курсы (история естествознания, биология человека, философия и методология науки, история и методология биологии) как на философском, так и биолого-почвенном и геологическом факультетах.

Несколько слов о том, как кризис сказывался на кадровом составе Филиала. В целом он омолодился. Заметную роль стала играть группа энергичных сотрудников, которые, как и положено молодым, ратовали за отказ от прежних практик историко-научных исследований и за решительный поворот от когнитивной и институциональной истории науки к рассмотрению ее социально-культурных и антропологических аспектов. Ведущую роль в пропаганде методологии социального конструктивизма играли Даниил Александрович Александров и Николай Леонидович Кременцов, которые одними из первых стали уезжать в длительные командировки. В отличие от них Леонид Яковлевич Жмудь скептически относился к модному социальному конструктивизму, следуя в изучении античной науки классическим традициям. Владимир Алексеевич Росов, принятый в ЛО ИИЕТ для разработки научного наследия В.И. Вернадского, постепенно перешёл к изучению творчества Николая Рериха и созданного им в Гималаях института Ураварту. Михаил Игоревич Микешин активно пропагандировал необходимость выйти за рамки истории науки и перейти к изучению истории идей в разных областях интеллектуальной деятельности. В чем-то я был согласен с этими инновациями, в чем-то нет, но все они представлялись мне интересными. Но жизнь расставила все на места. В истории науки остался только Кременцов, работающий сейчас в Торонто. За рубежом он опубликовал пять книг.

К концу 1980-х гг. в нашем секторе оказался Михаил Давидович Голубовский, с которым я впервые встретился на защите Л.З. Кайданова, тогда ещё не ведая, что он автор так по-

любившейся мне рецензии на книгу Н.П. Дубинина. В то время я знал его как автора статей по методологии эволюционной теории, вызывавших желание резко возразить. При личном знакомстве выявился ряд привлекательных черт: огромный творческий потенциал и умение нетрадиционно подойти с позиций современной генетики к решению проблем в рамках истории науки и библеистики. По мере сил я способствовал ему перевестись в наш сектор из Института генетики и цитологии СО АН СССР, а затем и издать книгу «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000), имевшую большой успех и отмеченную многими положительными рецензиями. Книга стала удачным примером преимущественно когнитивного анализа целой отрасли знания, в которой впервые в отечественной литературе дан историко-научный обзор драматической интеллектуальной истории генетики, начиная с судьбы законов Г. Менделя и кончая долгим непризнанием «подвижных элементов» Барбары МакКлинтон. Будучи одним из крупных генетиков современности, Голубовский предложил оригинальную трактовку ряда важнейших проблем современной эволюционной теории и молекулярной генетики. Как отмечалось во многих рецензиях, написанных биологами, книга убедила их, насколько важна и актуальна история науки.

Вскоре после ее публикации мне позвонил протистолог Лев Николаевич Серавин и спросил, по-прежнему ли я придерживаюсь дарвинистских воззрений, и, услышав утвердительный ответ, задал аналогичный вопрос насчёт Голубовского. Я ответил: «Думаю, что нет». Тогда Серавин сказал, что не понимает, как в моем секторе, издавна считавшемся ортодоксально дарвинистским, противник теории естественного отбора может не только работать, но и получать от меня деньги на издание своих книг. Вопрос меня удивил. Сам Серавин, как уже говорилось, не относился к числу правоверных селекционистов. Пришлось объяснять ему, что подобный плюрализм даже в пределах одной исследовательской структуры не только нормален, но и необходим для поддержания творческой обстановки. Важно только, чтобы нетрадиционные взгляды развивались в рамках современной науки. Кажется, Серавин меня понял, так как его самого нельзя было отнести к ортодоксам.

В годы перестройки мы с Голубовским обсуждали различные политико-этические и экономические аспекты, в том числе и в рамках общественного клуба «Ленинградская трибуна», где он был авторитетной фигурой. Человек либеральных взглядов, он искренне не мог понять, почему крах тоталитарной системы привёл не к улучшению, а к резкому ухудшению состояния науки, образования, медицины и к обнищанию практически всего народа. Где-то в октябре 1991 г., когда в магазинах уже исчезло все, а инфляция набирала бешеные темпы, он сказал: «Почему так происходит? Ведь не было ни революции, ни войны?» И был удивлён ответу: «Что все происходящее и есть революция, а что касается войны, то мы проиграли Третью мировую войну, правда, Холодную». В те годы и либералы, и консерваторы не желали видеть очевидную вещь — проигрыш Холодной войны, и все происходящее объясняли или предательством, или некомпетентностью новых властей. И почти все радовались развалу СССР, а депутаты Съезда депутатов РСФСР дружно голосовали за Беловежское соглашение.

Благодаря высокому научному рейтингу неплохому знанию языка, Голубовский быстро соориентировался в новых условиях. Все чаще он уезжал на работу в Австралию, Францию, Англию и, наконец, поселился в США, в Беркли, оставаясь при этом сотрудником сектора на общественных началах. Важно отметить, что Голубовский не на словах, а на деле следовал «принципу сочувствия» Сергея В. Мейена, искренне стремясь понять и противоположную точку зрения, оставаясь всегда в рамках научной полемики. Наша переписка периодически принимает взрывной характер. Когда происходит нечто неординарное, мы стараемся подробно информировать друг друга.

Произошли существенные изменения в структуре учреждения. В состав ЛО ИИЕТ в 1988 г. была передана мемориальная квартира выдающегося исследователя Центральной

Азии П.К. Козлова. Однако она была в ужасном состоянии: в ней не было экспозиции, а в качестве сотрудников сперва работали люди, не имевшие навыков музейной работы и историко-научных исследований. Была создана группа методологии биосферных исследований, но и она быстро перестала существовать, после защиты докторской диссертации ее руководителя. Борис Игоревич Козлов организовал сектор истории технических наук и инженерной деятельности, но вскоре уехал в Москву, возглавив в 1992 г. ИИЕТ, руководство сектора перешло к Б.И. Иванову. Вернувшийся в 1990 г. в филиал Самуил Аронович Кугель возобновил исследования по социологии науки.

Были и серьёзные потери. Вопреки мнению Учёного совета СПбФ ИИЕТ РАН Музей М.В. Ломоносова в 1992 г. стал сначала самостоятельным филиалом ИИЕТ, а в 1993 г. был включён в состав Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Инициатором этого перехода был Э.П. Карпеев. На заседании Учёного совета, где сотрудников Музея клеймили, называя дезертирами, я и А.Б. Георгиевский выступили за то, чтобы им не препятствовали работать там, где они считают нужным. В конечном счёте, их поддержал Президиум РАН и мэрия Санкт-Петербурга. Я продолжал поддерживать с этим коллективом дружеские отношения, а когда Э.П. Карпеев решил вернуться в филиал, принял его с удовольствием.

В начале 1990-х гг. разрабатывались планы создания сети мемориальных музеев-квартир учёных, плавучего музея истории науки на ледоколе «Красин». Вначале его разрекламировали как новую форму пропаганды достижений российской науки и даже сходили на нем в Англию и Скандинавию. Затем выяснилось, что для его ремонта и содержания требуются громадные деньги. Легендарный ледокол решили продать на металлолом за границу, но, затем, как это бывает, вдруг неожиданно начались протесты. С утра до вечера судьба корабля не сходила с экранов телевизора и страниц газет. О ситуации вокруг «Красина» постоянно говорило радио. Формально Филиал не имел отношения к этому судну, которое принадлежало Международному фонду истории науки. Но фонд возглавлял директор Филиала А.И. Мелуа. В итоге и Филиал, и Санкт-Петербургский научный центр РАН оказались в центре скандала, который, в конечном счёте, привёл к смене директора.

Директорская суета

В 1995 г. меня избрали директором Филиала, который, как и вся российская наука, переживал далеко не лучший период в своей истории. По-прежнему зарплата выплачивалась нерегулярно, порой с задержкой на два-три месяца. Не всегда было понятно, кто в этом виноват: государственные мужи, задерживавшие финансирование, или начальство, прокручивавшее средства через банковские структуры, что приносило неплохие доходы в условиях галопирующей инфляции. На весь Филиал был только один компьютер, цена которого была соизмерима со стоимостью автомобиля. На нем сотрудники, жаждавшие овладеть новыми технологиями, работали поочередно, оставаясь иногда на ночь. Другие же не желали учиться и в кулуарах смеялись над энтузиастами. Денег у филиала не было практически ни на что. Наиболее активные, как правило, молодые сотрудники работали за рубежом, остальные в значительной степени были деморализованы, так как труды не печатались, а перспектива писать в стол в надежде на лучшие дни вдохновляла далеко не всех. И практически первые 5 лет ушли на преодоление этой ситуации. Надо было не только сохранить коллектив, но настроить его на выполнение крупных проектов, значимость которых была бы видна не только исполнителям, но хотя бы другим членам академического сообщества, а в идеале — власти и интеллектуальным кругам.

Социальная история науки оказалась хорошим средством для реализации подобных целей. Но сделать это, не поступаясь научной методологией, было совсем не просто. На смену

советским мифам и идеологемам пришли другие, связанные с тотальным отрицанием недавней истории, описываемой преимущественно в мрачных тонах, и сопровождаемые причитанием о нашей исходной убогости. Порой это было выгодно при получении грантов. Дело иногда доходило до анекдота. В зарубежные фонды писалась заявка о деятельности красных банд в Сибири во время Гражданской войны, а в РГНФ тот же автор предлагал проект о партизанском движении против белых бандитов А.В. Колчака. И зачастую автор успешно получал грант в обоих случаях. Тем не менее, именно в этот период, как никогда в истории России, существовали благоприятные возможности для того, чтобы историк мог писать только то, в чем он уверен, в максимальной степени отвлекаясь от внешних обстоятельств и всякого рода давлений. В отличие от прежних времён из академического начальства никто никогда нам ничего не мог приказывать, что и как писать. А властям, занятым делёжкой свалившейся на них народной собственности, на все было просто наплевать.

В целом же в исследованиях по социальной истории отечественной науки сотрудники Филиала заняли взвешенную позицию. Без морализирования и пафоса стали использоваться все цвета радуги и их оттенки. Советизацию науки рассматривали как один из способов симбиоза государства и научного сообщества. Специфику его определяли тем, что в СССР, государство, будучи единственным заказчиком научных исследований, всегда старалось с максимальной эффективностью для себя использовать их, в первую очередь, для развития своей экономической и военной мощи, для идеологического оправдания политики и господства в обществе, для повышения международного престижа. Понимая, что образование и наука составляют единую систему, от которой напрямую зависит воспроизводство государственных чиновников и интеллигенции, партийное руководство старалось не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но и воспитать особую разновидность ученых, всецело разделявших её мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны научное сообщество, оказавшееся в условиях, когда только государство было способно предоставлять средства для осуществления научных проектов, вынуждено было искать особые формы взаимоотношения с государством и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «адаптация» к власти протекала в стране, где науку обычно воспринимали как некое экзотическое растение, насильственно пересаженное волею Петра на национальную почву. Для выживания наука в России всегда нуждалась в поддержке государства, а сами лидеры научного сообщества были убеждены, что без мощного государственного финансирования её развитие невозможно.

В связи с этим традиционная тематика коллектива ЛО ИИЕТ несколько отошла на второй план. Ведущее место стали занимать социально-культурные и институциональные аспекты развития отечественной науки, что позволяло организовывать временные научные коллективы для исследования крупных проблем.

В целом удалось не только выжить, но существенно укрепить научно-исследовательский потенциал филиала. Это стало возможным благодаря целому ряду обстоятельств, к которым, в первую очередь, следует отнести кадровый состав ЛО ИИЕТ. Старшее поколение не надо было стимулировать к работе: они продолжали привычно трудиться несмотря даже на то, что практически не оставалось шансов на публикацию своих трудов, которые они готовили в привычной для них манере: тщательно, проверяя и перепроверя каждый факт и каждое утверждение с привлечением архивного материала. И здесь надо сказать особое спасибо Санкт-Петербургскому филиалу Архива РАН, возглавляемому в те годы В.С. Соболевым. Несмотря на то, что сам Архив находился в тяжёлом положении и был закрыт для посетителей в течение долгого времени, сотрудники СПбФ ИИЕТ беспрепятственно работали над своими проектами.

Во второй половине 1990-х гг. видное место в филиале заняло новое поколение историков и философов науки: А.Д. Александров, А.И. Андреев, Л.Я. Жмудь, М.Б. Конашев, А.Б. Кузнецова, М.И. Микешин, В.А. Росов, Г.И. Смагина и др. Большинство из них имели прочные контакты с зарубежными коллегами, участвовали в международных проектах, подолгу жили и работали за границей. Зная тенденции развития современной истории науки, они вносили новую струю и в плановые исследования Филиала, и в подготовку молодых специалистов. Здесь особенно следует отметить специальные лекции и семинары по истории науки для аспирантов и соискателей, которые в разные годы вели Д.А. Александров, И.С. Дмитриев и Л.Я. Жмудь. Постоянное обновление кадрового состава непрерывно шло и в последующие годы, выдвигая все новых исследователей с высокой профессиональной мобильностью (Е.Ю. Басаргина, Ю.А. Лайус, М.В. Лоскутова Т.И. Юсупова и др.). К настоящему времени лицо Филиала в значительной степени определяет новое поколение историков и социологов науки, сформировавшееся за последние за 10–12 лет (Н.А. Ащеулова, Н.Е. Берегой, А.И. Ермолаев, А.В. Полевой, А.В. Самокиш, В.Г. Смирнов, С.В. Шалимов, Д.А. Щеглов, А.А. Федотова, Т.Ю. Феклова др.).

Важным фактором нормализации деятельности Филиала стало завершение периода «смуты» и «анархии» в московской части ИИЕТ, где после ухода С.Р. Микулинского обязанности директора исполняли 5 человек. Наконец, осенью 1993 г. директором был избран и утверждён В.М. Орёл, работавший более 10 лет заместителем директора ИИЕТ. У него был большой опыт организационно-административной работы, в том числе в ЦК ВЛКСМ и в отделе науки ЦК КПСС, разносторонние связи в академическом сообществе. Он всегда хорошо относился к Филиалу, пользовался авторитетом у ведущих сотрудников. Он инициировал выдвижение меня на пост директора, что, возможно, предопределило поддержку со стороны большинства коллектива. Из писем же противников, направленных в Президиум РАН, следовало, что моё предстоящее правление страшит некоторых больше, чем пережитый сталинский террор и ленинградская блокада. Однако, их обращения, как и заявления моего предшественника в прокуратуру по поводу незаконности его замены, не возымели действия, так как не только дух, но и буква закона при выборах были соблюдены.

Возглавлять Филиал я согласился не без колебаний. Ситуация была сложная, административных обязанностей всегда хватает, и не хотелось в них погружаться, жертвуя научными планами. Вместе с тем было понятно, что как раз их-то вряд ли удастся реализовать, если не попытаться изменить ситуацию. О принятом решении я практически никогда не жалел, несмотря на все беспокойства, хлопоты, заботы, связанные с руководством коллективом весьма неординарных творческих людей, в своих трудах привыкших на «ты» общаться с Ч. Дарвином, В.И. Вернадским, И. Ньютоном, Д.И. Менделеевым и другими гениями человечества, однако отнюдь не всегда склонных соблюдать элементарную трудовую и исполнительскую дисциплину, а тем более выполнять распоряжения какого-то Э.И. Колчинского, который недавно был безусым аспирантом или с которым водку вместе пили.

Первое время Филиал, имея собственный Устав, был практически самостоятельным юридическим лицом. Гражданский кодекс РФ, в котором было прописано, что филиалы не являются юридическим лицом, незадолго до этого принят. Не совсем было ясно, как его трактовать. Неуклонное следование букве закона порождало массу вопросов и трудностей при заключении самых простых договоров: по охране Музея, вывозу мусора, закупке канцтоваров, взаимодействиям с казначейством. Поэтому мы стремились в юридическом отделе мэрии Санкт-Петербурга зарегистрировать Устав Филиала, а не Положение, как предусматривал Гражданский кодекс. Это не удалось сделать моему заместителю, и пришлось подключиться к этому делу мне. Договорившись о времени приёма, я, надев парадную одежду, белую рубашку и галстук, что тогда делал крайне редко, с большим букетом цветов и коробкой конфет

поехал решать «проблему». К счастью, сотрудница, которая до этого не пропускала документы, опоздала на полчаса и чувствовала себя несколько виноватой. Но, извинившись, она сразу начала выговаривать за ошибки в формулировках многих пунктов и в заключении сказала: «У Вас в Академии все не так». Потупившись, я ответил: «Но что поделаешь? Нас создал Петр Первый 275 лет тому назад. Жизнь вокруг менялась столь часто, что мы не успевали за ней следовать». Моё смирение и скрытый сарказм ей, вероятно, понравились. Во всяком случае, улыбнувшись, она поставила штамп, что Устав зарегистрирован, добавил: «Никому не говорите, что я знала о недостатках Вашего Устава. но зарегистрировала его».

Вспоминая этот эпизод и сталкиваясь сегодня с бюрократизацией, доведённой до абсурда, я нахожу немало ценного в решении многих вопросов в те годы, когда во властных структурах все же на первое место ставили дело, а не букву стремительно меняющегося законодательства, трактуемого нередко как дышло.

Благодаря Уставу у нас с ИИЕТ были отдельные бюджеты. Однако московский директор В.М. Орел представлял наши интересы в Финансово-экономическом управлении Президиума РАН и помогал в публикации некоторых книг, что имело огромное значение для сотрудников. Его советы, рассказы о работе в ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, об эпизодах из истории Академии наук, встречах с видными учёными и политическими деятелями много давали для понимания жизни академического сообщества и реальных механизмах взаимодействия науки и власти. Избавленный от мелочной опеки, что бывало в прежние десятилетия, филиал получал всестороннюю поддержку от московских коллег.

В те годы руководители большинства Санкт-петербургских филиалов московских институтов РАН стремились к независимости, а некоторым и удалось этого добиться. Мы не участвовали в этом параде суверенитетов, радуя за сохранение прежнего статуса, построенного на взаимовыгодных отношениях Филиала и Института, и расценивали их, перефразируя В.И. Вернадского, как «бесценный дар нашей истории». У меня лично были прекрасные отношения с коллективом московской части ИИЕТ, в том числе со сменившим В.М. Орла на посту директора ИИЕТ Алексеем Владимировичем Постниковым, его заместителем Василием Петровичем Борисовым, с учёным секретарём Ольгой Александровной Соколовой, с главным бухгалтером Анной Александровной Ейбогиной, а также с руководителями научных подразделений С.С. Илизаровым, С.С. Демидовым, В.П. Гвоздецким, Ю.И. Кривоносовым, В.П. Визгиным, Е.С. Мирской, Е.Б. Музруковой и многими другими научными сотрудниками. Эти традиции взаимоуважения, взаимопонимания и дружбы характерны для отношений Санкт-Петербурга и Москвы и по сей день.

С 2010 г. ИИЕТ возглавляет известный общественный деятель, бывший советник президента Б.Н. Ельцина по коллективной безопасности, журналист, космонавт, Герой России Ю.М. Батурин. Его приход оживил атмосферу московской части института, наметился ряд перспективных направлений, в том числе создание виртуальной истории, возросла публикационная активность и т. д. Как и его предшественники, Батурин внимательно относится к нуждам и запросам Филиала, оказывая всяческую помощь и поддержку. Учитывая, сколь непростые отношения порой существуют между некоторыми другими Санкт-петербургскими филиалами и отделениями и их московскими метрополиями, наш 20-летний опыт взаимодействия может быть оценён как уникальный.

Одна из главных проблем, с которой я столкнулся на посту директора, — это ситуация с Музеем-квартирой путешественника П.К. Козлова, переданным нам из Музея Санкт-Петербурга в ужасном состоянии. Его семь комнат не ремонтировали с довоенных времён, архив был не разобран, мебель не реставрировалась и т. д. Содержание Музея, находящегося вблизи Смольного в престижном доме, было непосильным бременем для нашего Филиала, поглощая треть скудного бюджета, требуя фантастические по тем временам зарплаты на вневедом-

ственную охрану, коммунальное обслуживание и т. д. Учёный совет не раз предлагал отказаться от него и передать в какое-нибудь другое учреждение, связанное с деятельностью П.К. Козлова и владеющее собранными им коллекциями, например, Эрмитаж, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, Зоологический институт, Российское географическое общество или вообще ликвидировать. Но эти учреждения также испытывали финансовые трудности и принять Музей-квартиру П.К. Козлова в свой состав не могли, а ставить вопрос о ликвидации Музея не представлялось возможным.

Вместо этого прорабатывался проект сделать его самостоятельным учреждением под эгидой СПбНЦ РАН или вернуть городу, кто-то даже предлагал организовать там гостиницу и так зарабатывать деньги. Первый проект вначале был воспринят благосклонно, но затем вмешались хозяйственники, бухгалтеры, доказывая, что у СПбНЦ РАН нет возможности содержать новую структуру, находящуюся на таком расстоянии. Возникли затруднения и юридического характера. Не удалось и передать Музей в ведение города. Приехавший на совещание по этому вопросу вице-губернатор, председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга В.П. Яковлев, известный как Яковлев-маленький, резко отказался от этого проекта, заявив, что квартира не представляет никакой культурной ценности, а П.К. Козлов вряд ли достоин музея-квартиры, когда ещё не увековечены П.И. Чайковский. М.Ю. Лермонтов и т. д. Последний аргумент был особенно странен в устах деятеля, поставленного бдеть за культурой. Ситуация стала особенно тяжёлой после дефолта 1998 г., когда плата за аренду помещения оказалась неподъемной. Тем не менее абсурдную ситуацию, когда РАН должна была ещё платить за помещение, где хранит от разграбления исторические и культурные ценности, удалось разрешить. Город передал помещение в безвозмездную аренду.

Осознав на практике правоту принципа «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», мы активизировали усилия по поиску спонсоров. В лице директора Палеонтологического института Ю.А. Розанова получили поддержку от музейного совета РАН и сохранили музей. Новый директор В.А. Росов, востоковед по базовому образованию, нашёл фирму «Агню» из Самары, которая помогла с ремонтом и изданием научных трудов. Благодаря А.И. Пруднику была фактически заново создана экспозиция. В ней рассказано о жизни и деятельности замечательного российского путешественника, чьи раскопки «мёртвого» города Хара-Хото в пустыне Гоби и гуннских захоронений в горах Ноин-Ула принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в., сравниваемому в литературе с раскопками Генрихом Шлиманом Трои. 4 декабря 2002 г., спустя почти 15 лет после передачи квартиры в ведение ЛО ИИЕТ РАН, состоялось официальное открытие Музея, на котором присутствовали главным образом директора академических Институтов и представители руководства СПбНЦ РАН. Ни Министерство культуры, ни администрация «культурной столицы» Европы не заметили этого события. Видимо, не прошёл приказ по властной вертикали.

Вместе с тем Музей (в контексте городской культуры) становился центром изучения истории исследований Центральной Азии русскими путешественниками в конце XIX — начале XX вв. и приобрел популярность среди зарубежных гостей нашего города. Показательно посещение Музея в мае 2003 г. лауреатом Нобелевской премии швейцарцем Рихардом Эрнстом, который о переполнявших его чувствах сказал на вечернем приёме у губернатора А.В. Яковлева (большого) и был удивлён, что ни хозяин города, ни его помощники по культуре и науке ничего не знали об этом уникальном музее.

К середине 1990-х гг. работа с активом Филиала в рамках Санкт-Петербургского отделения Национального комитета истории и философии науки практически прекратилась. Конференции перестали проводиться, а материалы предшествующих оставались неопубликованными многие годы, что снижало интерес историков науки в других научных учреждениях и вузах к сотрудничеству с нами. Шло раздробление историко-научного сообщества, а также его

маргинализация, так как специалисты, интересующиеся историей собственных дисциплин, не имели возможностей следить за развитием методологии и методики историко-научных исследований. С 1996 г. была возрождена практика ежегодного проведения таких конференций, которые были посвящены Санкт-Петербургу как научному центру, роли учёных Ленинграда — Санкт-Петербурга в возникновении и развитии отечественной науки и высшего образования, в создании отечественного военно-промышленного комплекса, в развитии ракетно-космических исследований, в организации экспедиционной деятельности и в изучении природных ресурсов, в организации международного научного сотрудничества и т. д. Одна из конференций была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений учёных, связанной со сбором и хранением бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга. Большое внимание уделялось анализу вклада Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда в развитие мировой культуры в ходе подготовки к 300-летию юбилею города.

Важнейшим фактором, способствующим интенсификации историко-научных исследований, стало расширение источников финансирования, в котором значительное место заняли гранты, выигранные на конкурсной основе. Если в предыдущие годы финансовая поддержка шла, прежде всего, со стороны зарубежных фондов, то с середины 1990-х гг. большую роль стали играть фонды российские. Диверсификация финансирования способствовала разнообразию научных исследований, их методов, тематики и стилей. Претендуя на получение гранта от того или иного фонда, учёный должен был учитывать, какие проекты, а порой и результаты исследований имеют наибольшие шансы на поддержку. Гранты имели особое значение в 1996–2005 гг., превышая иногда базовое финансирование.

Благодаря отчислениям из грантов мы оказались единственной академической организацией в Санкт-Петербурге, не имевшей задолженности по коммунальным платежам и не прибегающей к самозачётам, столь широко распространённым в те годы. Более того нам удалось даже выплатить зарплату в июле и августе 1998 г., когда из-за дефолта ее нам просто не перечислили. За счёт грантов мы смогли обеспечить Филиал современной техникой. Почти 70% плановых тем и работ, выполненных по грантам РГНФ и РФФИ, заканчивались выпусками монографий. До последнего времени грантодержатель не был столь жёстко регламентирован в использовании выделенных средств. Первые руководители вновь образовавшихся российских фондов сами были хорошими учёными и понимали губительность формализации. А чиновникам, занятым распилом более жирных статей государственного бюджета, было не до крох, выделяемых на науку.

Постепенно их взоры обратились и в эту сторону. Ушёл из РГНФ один из его создателей науковед Евгений Васильевич Семенов, искренне преданный делу поддержки российской науки, особенно социологии, философии и истории науки. Со временем кадровые изменения произошли и в РФФИ, где Отдел наук о человеке долгие годы возглавлял талантливый искусствовед Владимир Сергеевич Жидков, уделявший большое внимание истории и социологии науки. В 2013 г. ликвидировали сам отдел, якобы из-за дубляжа с тематикой РГНФ, где история науки также была растворена в науковедении. Сама система отчётности стала настолько сложной, что сотрудникам проще было брать деньги в виде зарплат, заплатив налоги, а потом уже оставшееся деньги тратить в соответствии с потребностями. Денег на сами исследования оставалось меньше, но зато государству удавалось вернуть обратно около 40% выделенных сумм в виде налогов. В данном случае ничего нового не было придумано. Так же действует вожак в стае павианов, поочерёдно давая один и тот же фрукт всем остальным членам стаи, а, в конечном счёте, сам же его съедает. Особенно трагичным стала отмена грантов для участия в зарубежных конгрессах и симпозиумах, практически сведя на нет международные контакты.

Препятствуя, таким образом, свободе научных контактов и делая их недоступными для молодых сотрудников, чиновники от науки, цинично рассуждают о международных рейтингах и о мировом уровне исследований. Тем не менее сотрудничество с учёными дальнего зарубежья и активное включение в международные научные связи стали важнейшим фактором модернизации историко-научных исследований. В 1990–2010-е гг. сотрудники Филиала поддерживали научные контакты более чем с 200 зарубежными научными учреждениями. Традиционные контакты с историками США, Германии, Англии, Франции, Швейцарии за последние 10 лет существенно дополнились совместными исследованиями с социологами и историками науки Бразилии, Венгрии, Индии, Испании, Италии, Китая, Мексики, Норвегии, Сербии, Хорватии, Финляндии и других стран. Десятки крупных международных проектов реализованы с историками Германии, Японии, Китая, США, Франции. Сотрудники филиала на длительные сроки выезжали для работы в другие страны. При этом М.Д. Голубовский, Д.Ю. Гузевич, Н.Л. Кременцов, А.В. Козулина постоянно работают в Канаде, Франции и США, а подавляющее большинство остальных сотрудников выбрали путь маятниковой миграции и эпизодических командировок. Около 40 учёных из дальнего зарубежья ежегодно приезжают в Филиал. В итоге практически каждая конференция в 1995–2013 гг. становилась международной.

Важную роль в продвижении макро- и микросоциологических методологий в изучение истории отечественной науки сыграла серия российско-американских конференций, проведённых в 1995–1999 гг. в Санкт-Петербурге и Филадельфии, российско-немецкие конференции в Санкт-Петербурге и разных городах Германии (1994–2013), российско-французские конференции в Париже и Санкт-Петербурге (2010–2012), а также ежегодные сессии Международной школы по социологии науки (1992–2013) и конференции «Немцы в России» (1990–2005). В последние 10 лет несколько сотрудников Филиала (прежде всего, молодых) регулярно участвуют в международных и европейских конгрессах. Как правило, учёные из России — нечастые гости на подобных мероприятиях. Поэтому их доклады вызывают повышенное внимание. Уже принято говорить о «петербургском десанте». На каждом из этих конгрессов, как правило, вместе с зарубежными коллегами сотрудники Филиала организуют собственные симпозиумы. Десятки крупных международных проектов реализованы с историками науки Германии, Японии, Китая, США, Франции. Всего на английском, немецком, китайском, японском и русском языках вышло около 70 книг — результаты совместных проектов. Ещё 13 книг наших сотрудников издано в США, Великобритании и Германии за счёт международных грантов. В результате либерализации международного сотрудничества и диверсификации источников финансирования эффективность научного труда существенно повысилась. Публикационная активность, в том числе и выпуск монографий, по сравнению с советским периодом увеличилась в два раза. Существенно расширились связи с высшей и средней школой, проведена большая работа по подготовке учебных программ и пособий по истории науки, в том числе программа по истории биологии для сдачи кандидатского экзамена.

В последнее десятилетие у меня появилась новая когорта учеников и сотрудников. Анастасия Алексеевна Федотова активно занимается историей прикладной биологии. Проблемой охраны домашних животных в царской России и историей ветеринарии занимается Наталия Евгеньевна Берегой, а энергичная Надежда Валентиновна Слепкова много сделала для изучения истории ЗИН. С увлечением работает над проблемами истории генетики в СССР в послысенковский период Сергей Викторович Шалимов, который к 25 годам защитил диссертацию и опубликовал книгу о генетике в СО АН СССР в 1950–1960-е гг. Анатолий Всеволодович Полевой все сильнее втягивается в изучение истории физиологии и биохимии растений.

«Встречи и расставания»

Так назвал свои воспоминания, приведшие на меня большое впечатление, Юрий Ашотович Петросян. Мне кажется оно хорошо отражает суть нашего учреждения.

В силу сложившихся традиций руководству Филиала приходится контактировать с более разнообразным кругом представителей научного сообщества, чем другим директорам, и прежде всего с Президиумом Санкт-Петербургского научного центра РАН, который вот уже более четверти века возглавляет Нобелевский лауреат, вице-президент РАН, академик Жорес Иванович Алфёров.

Об Алфёрове снято немало фильмов, ещё больше написано. Есть сотни и тысячи интервью. Поэтому трудно что-то добавить к образу, прочно укоренившемуся в общественном сознании. Он, бесспорно, наиболее харизматичная личность в современной российской науке, и, если бы таких людей было больше, то судьба ее в последние два десятилетия, возможно, была бы другой. Обладая широким кругозором и даром слова, Жорес Иванович умеет очаровать любого собеседника и заворожить любую аудиторию. Его позиция в отстаивании интересов российской науки, особенно в период ее так называемого реформирования, снискала ему огромное уважение среди современников, но, как историк, могу предположить — и благодарность потомков.

Алфёров — почитатель истории науки и автор нескольких оригинальных работ в этой области знаний, обычно далёкой для физика-экспериментатора. Он не только поддерживает наши начинания, но и часто ставит доклады по истории науки на заседания Президиума СПбНЦ, профессионально руководя их обсуждением и приходя порой на выручку докладчику, ступавшему от резко поставленного вопроса. Несколько раз Алфёров выступал с докладами на международных конференциях, посвящённых крупным юбилейным датам, как, например, 300-летию со дня рождения Л. Эйлера или 200-летию со дня рождения Ч. Дарвина. И всегда это были оригинальные выступления, выглядевшие как яркие экспромты. Я не могу представить Алфёрова, выступающего с бумажкой. Подкупал и его демократизм в общении и готовность содействовать историко-научным проектам.

Под статью Ж.И. Алфёрову была его команда. Особенно близкие отношения у меня сложились с главным учёным секретарём СПбНЦ РАН Эдуардом Абрамовичем Троппом, и заместителями председателя СПбНЦ РАН Юрием Ашотовичем Петросяном и Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым.

С физиком-теоретиком Э.А. Троппом я впервые встретился на заседаниях «Ленинградской трибуны», где, как я уже говорил, в разгар перестройки собиралась интеллигенция, ратующая за реформы, но не желавшая заниматься политикой. Теперь я понимаю, что в чем-то мы походили на «пикейные жилеты» Черноморска, хотя какое-то воздействие на ход событий наши обращения, напечатанные в ведущих ленинградских газетах, оказывали до краха ГКЧП. Среди красноречивых, но порой наивных выступлений писателей и учёных-гуманитариев диссонансом зазвучали взвешенные суждения представителя точных наук Троппа, свидетельствующие о понимании сути происходящих событий и мотивов, вовлеченных в них лиц, многие из которых тогда были кумирами экзальтированных сторонников перестройки. Пару раз мне довелось наблюдать Троппа в роли председательствующего на собраниях Ленинградского союза учёных, где он оказывался фактически единственным, кто мог как-то обеспечить ход этих сборищ, которые по буйству слов и действий превосходили не только печальной памяти демократический Ленсовет образца 1990 г., но запорожское братство, описанное Н.В. Гоголем.

В 1991 г. я с удовольствием узнал, что Э.А. Тропп стал одним из руководителей СПбНЦ РАН. Мы встречались на разного рода конференциях, перекидывались фразами. Однако мою

фамилию он узнал только тогда, когда В.М. Орел представил меня как исполняющего обязанности директора филиала и попросил его, в свою очередь, представить меня Алфёрову. Предварительная характеристика, которую Тропп дал Алфёрову, вероятно, была благоприятной. Алфёров только спросил о бюджете Филиала на 1995 г. и, услышав ответ по всем статьям, явно был удовлетворён. С тех пор началось многолетнее сотрудничество с Э.А. Троппом, наделенным массой талантов, среди которых я особенно ценю энциклопедическую эрудированность в разных сферах человеческого духа, неподражаемый юмор, собранность и организованность, искреннюю доброжелательность и готовность помочь каждому, обратившемуся за содействием. Даже когда он оказывался бессильным чем-то помочь, он оформлял это в такой форме, что становилось ясно, что все резервы с его стороны исчерпаны и надо искать другие пути выхода из ситуации. Так, видя мою обескураженность после совещания с В.П. Яковлевым по поводу Музея-квартиры П.К. Козлова, Тропп в шутку посоветовал мне собирать милостыню на Невском на благое дело — содержание единственного в Санкт-Петербурге музея, посвящённого путешественнику. Я живо представил себе сцену в духе Ильфа и Петрова и понял, что полагаться надо только на собственные силы.

На протяжении почти 20 лет Тропп участвовал практически во всех наших конференциях и симпозиумах, часто выступая с интересными и глубоко продуманными докладами, сделанными с философской широтой, исторической доскональностью и глубиной естествоведоведения. Всякий разговор с ним доставлял духовное наслаждение. Казалось, в науке, политике и искусстве нет тем, о которых бы он не имел собственного, обоснованного, и почти всегда профессионального суждения. Его шутки я нередко запоминал на всю жизнь, цитируя при случае. Так после моего доклада на Президиуме СПбНЦ РАН по случаю 50-летия нашего Филиала, предшественником которого был обозначен Институт истории науки и техники АН СССР во главе с Н.И. Бухариным, Тропп предложил тост: «Стопочку рыковки за последних бухаринцев».

Мне особенно запомнилась наша совместная работа как редакторов-составителей над коллективной монографией «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.», выпущенной под редакцией Ж.И. Алфёрова к 300-летию Санкт-Петербурга. Втроем мы написали большое введение к этой книге. Неоценим и вклад Троппа в подготовку второго, исправленного и дополненного, издания Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, к которому он с Э.П. Карпеевым написал вводную главу, ставшую камертоном для всего издания. Вместе с ним мы готовили конференцию по Л. Эйлеру, и в ее успехе немалая доля его заслуг. С момента возрождения деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники в 1996 г. Эдуард Абрамович — один из заместителей председателя Отделения. Он немало сделал для расширения тематики историко-научных исследований в городе на Неве. Многие сотрудники Филиала воспринимали Троппа как внештатного сотрудника и часто обращались к нему напрямую за помощью и поддержкой. Особенно много он помогал С.А. Кугелю в проведении многолетнего мониторинга состояния академической науки в Санкт-Петербурге, в организации и проведении Международных научных школ по социологии науки, а Г.И. Смагиной в подготовке и редактировании коллективных монографий «Академия наук в истории культуры России XVIII–XX вв.» и «Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки» (2013).

Как я уже говорил выше, с Сергеем Георгиевичем Инге-Вечтомовым я познакомился ещё в 1970-е гг. И по мере сил и возможностей старался привлекать его к нашим проектам и мероприятиям. Ключевую роль он играл в международной конференции, посвящённой Ф.Г. Добржанскому. Он всегда в откликнулся на предложение о сотрудничестве, оставаясь при этом в круге своих профессиональных интересов, т. е. истории генетики. Лейтмотивом его исторических работ последнего времени стало сожаление, что Россия — страна упущенных

возможностей, так как у неё были все шансы стать лидером современной генетики, но это не произошло. Рассказывая о блестящих достижениях отечественных биологов (С.И. Коржинского, Ю.А. Филипченко, Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова, Г.А. Надсона, Н.П. Дубинина и др.), не говоря уже о Ф.Г. Добржанском и Н.В. Тимофееве-Ресовском, Инге-Вечтомов не раз подчёркивал, что волонтаристское вмешательство властей в науку было главной причиной нашего отставания в тех отраслях, где в первой трети XX века мы не только занимали лидирующие позиции, но и превзошли многие позднейшие открытия, удостоенные Нобелевской премии. Последние годы Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов возглавляет СПб НК ИФНТ и к этой обязанности относится крайне серьёзно, выступая не только на годичных конференциях, но и на международных симпозиумах, посвящённых истории биологии.

Возрождая практику ежегодного проведения конференций историков науки, я обратился с предложением к академику Александру Александровичу Фурсенко, одному из ведущих наших американистов, с предложением возглавить СПбО РНК ИФНТ, который официально стал числиться при СПбНЦ РАН. Вскоре Фурсенко избрали академиком-секретарём Отделения истории РАН. Значительную часть времени он проводил в Москве и не мог уделять много внимания новой должности. Но наше сотрудничество продолжалось. Иногда он обращался ко мне за помощью при выполнении поручений правительства или президента РАН, будучи при этом жёстким и требовательным заказчиком.

Не вникая в повседневные заботы СПбО РНК ИФНТ, Фурсенко много сделал для решения наших глобальных проблем. Благодаря ему удалось сохранить специальность «история науки» в номенклатуре ВАК, а также предотвратить перевод ИИЕТ из подчинения Президиума РАН в Отделение истории РАН и т.д. Трудно переоценить и его роль в проекте «Наука и кризисы», в издании «Летописи РАН», на чем я остановлюсь ниже. Интересно, что наше знакомство и сотрудничество, как и с Троппом, началось до назначения меня директором Филиала и далеко не на профессиональной основе. Его отец, Александр Васильевич Фурсенко, выдающийся протистолог и один из создателей отечественной микропалеонтологии, был ближайшим другом Юрия Ивановича

Полянского, жена которого помогла выходить маленького Александра Александровича после смерти его матери вскоре после родов. После кончины Ю.И. Полянского и возникшей проблемы с публикацией его воспоминаний я несколько раз встречался с А.А. Фурсенко, который в то время был первым заместителем Ж.И. Алфёрова. Фурсенко даже достал деньги на издание этих воспоминаний, но в условиях галопирующей инфляции они обесценились раньше, чем дошли до издательства, и книга Ю.И. Полянского увидела свет позже, изданная по гранту РФФИ. В то время я для Фурсенко, так же как и для Троппа был человеком, известным по имени-отчеству как ученик Полянского. Позже он мне сказал, что никак не ассоциировал меня с моей фамилией, когда Орёл спрашивал его согласие на назначение меня исполняющим обязанности директора филиала.

Моим начальником как заместитель председателя СПбНЦ РАН А.А. Фурсенко был недолго, до осени 1996 г. Но в течение почти двух лет я встречался с ним часто, и видно было, что он уделял большое внимание консолидации гуманитарной науки и ее выживанию в то непростое время. При нем регулярно и по-деловому проходили встречи директоров гуманитарных академических учреждений. Он удачно осваивал новые формы организации и финансирования научных исследований, у него были хорошие связи и с мэрией Санкт-Петербурга, и в правительстве. Для меня как историка науки был интересным и тот факт, что будучи вместе с Б.В. Ананьичем, Р.Ш. Ганелиным, учениками известного профессора Б.А. Романова, они не только не конкурировали друг с другом, но, напротив, всегда выступали единым фронтом, что не часто бывает в гуманитарной среде. Александр Александрович Фурсенко очень гордился принадлежностью к академическому сообществу. При характеристике того

или иного человека он часто говорил, что тот академический или, напротив, неакадемический человек. Интересно, причислял ли он к числу академических людей своего сына Андрея Александровича, бывшего Минобрнауки, а теперь советника президента РФ по вопросам науки?

С осени 1996 г. заместителем Ж.И. Алфёрова по гуманитарным наукам стал экономист, создатель Санкт-Петербургского экономико-математического института Б.Л. Овсевич. По отзывам, это был интеллигентный и доброжелательный человек, но мне довелось с ним встретиться только один раз. После моего выступления на летней сессии Международной школы по социологии науки в июне 1997 г., где я резко критиковал какого-то очередного министра науки (кажется, связиста по специальности) за какую-то очередную идиотскую реформу, Овсевич подошёл ко мне. Он представился и попросил зайти осенью и поговорить о планах. Увы, поговорить не пришлось: Борис Львович вскоре скончался. Тогда же в моем выступлении его заинтересовал прогноз о том, что если со стороны правительства не будут приняты меры, то через 15 лет Россия станет второразрядной в сфере науки страной, а значит, не сможет даже претендовать на статус великой державы. Первая часть предсказания подтвердилась уже в начале 2010-х гг., а после реформирования, или точнее уничтожения, академической науки в реформах 2013 г., думаю, осталось недолго до реализации второй части прогноза.

На место Б.Л. Овсевича был назначен востоковед Юрий Ашотович Петросян, который с 1960-х гг. был директором Ленинградского филиала Института востоковедения. Наше знакомство состоялось в очереди к зубному врачу в академической поликлинике. Было удивительно видеть его терпеливо ждущим своей очереди в поликлинике, где по правилам докторов наук обслуживали вне очереди. А здесь первый заместитель председателя Президиума СПбНЦ РАН ждёт, как все, приёма. Мы сидели рядом, и он вдруг обратился ко мне по имени-отчеству и сказал, что рад встрече, так как хотел со мной поговорить об участии Филиала в задуманном им проекте «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга», а также о юбилейных мероприятиях, посвящённых 275-летию РАН. Мой ответ был однозначным: мол, готовы сотрудничать, преследуя, прежде всего, интересы Филиала. Вскоре я представил ему список книг, которые мы хотели бы издать в ближайшие годы. Ю.А. Петросян одобрил наши планы и сделал все возможное, чтобы они были реализованы.

Юрий Ашотович сыграл решающую роль в том, что я оказался вовлечённым в исследования по истории Академии наук. Задуманная им книга должна была начинаться главой о вкладе Академии наук Санкт-Петербурга в мировую культуру. Поскольку из наших историков Академии наук никто не брался за ее подготовку, писать пришлось мне, опираясь на труды А.В. Кольцова, Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невской, Г.И. Смагиной и М.Ф. Хартанович и результаты собственных архивных исследований по истории Академии наук в 1920-е — начале 1930-х гг. В установленный срок глава была готова и одобрена Петросяном. О ней знал В.М. Орёл, который был редактором журнала «ВИЕТ». Он предложил ею открыть публикации в юбилейном году. С согласия Петросяна рукопись была напечатана в первом номере журнала за 1999 г., где она попала на глаза президенту РАН Ю.С. Осипову, и меня привлекли к ряду юбилейных мероприятий, о которых я расскажу ниже.

При окончательном редактировании текста главы Ю.А. Петросян внёс в неё существенные дополнения, исправления. Естественно, я предложил ему стать соавтором, мотивируя это тем, что сама идея принадлежала ему. Он долго отказывался, но мне удалось его уговорить. В конечном счёте, задуманная Ю.А. Петросяном хорошо иллюстрированная книга вышла в год трёхсотлетнего юбилея Санкт-Петербурга. Благодаря ей широкая общественность смогла ознакомиться с малоизвестными древними рукописями, документами, этнографическими, зоологическими, ботаническими и другими раритетами, которые собирали российские учё-

ные и путешественники на протяжении всей истории города на Неве. Помимо вводной главы «Академическая наука в Санкт-Петербурге и мировая наука», написанной совместно с Ю.А. Петросяном, в это фундаментальное издание вошла и другая моя глава «История науки — история умножения человеческой мощи», посвящённая коллекциям нашего Филиала. В нее вошли также крупные разделы о книжном собрании в библиотеке Филиала и коллекциях Музея П.К. Козлова, подготовленных соответственно С.В. Ретунской и Т.И. Юсуповой.

Эта совместная работа с СПбНЦ РАН и рядом академических институтов способствовала более тесной интеграции историко-научных исследований с историческими работами в других гуманитарных и естественных науках. В этом отношении важную роль играл созданный по инициативе Ю.А. Петросяна Объединенный научный совет по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Его работе Петросян придавал огромное значение, тщательно подбирая интересных докладчиков. Он не считал за труд накануне очередного заседания обзвонить всех членов совета, чтобы напомнить о предстоящем мероприятии. Благодаря его искренней заинтересованности совет работал живо и плодотворно.

Создавалось впечатление, что содействие и бескорыстную помощь гуманитарным исследованиям в академических институтах, в том числе и в нашем Филиале, Петросян считал своей главной задачей. Вместе с Э.А. Троппом они курировали Международную конференцию «Петербургская Академия наук в истории академий мира», посвящённую 275-летию РАН. Для придания торжественности происходящему особое значение имело исполнение музыкально-хоровых произведений, связанных с историей Академии наук, в Эрмитажном театре артистами Государственной Академической капеллы под руководством народного артиста России В.А. Чернушенко. По инициативе Петросяна одна из ежегодных конференций СПбО РНК ИИНиТ была посвящена кропотливой и упорной работе многих поколений учёных по сбору и хранению бесценных сокровищ — памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Санкт-Петербурга.

Петросян привлёк меня к работе в секции «Культура. Образование» Научно-технического совета при губернаторе Санкт-Петербурга. В этой секции он был сопредседателем вместе с ректором СПбГУ Л.А. Вербицкой, и мы втроем не раз обсуждали планы совместных мероприятий. Вербицкая дважды участвовала с пленарными докладами на ежегодных конференциях СПбО РНК ИИНиТ. Охотно Петросян откликался и на просьбы других сотрудников Филиала, выступая с приветственными речами или докладами на конференциях «Немцы в России», «Международная школа по социологии науки и техники».

Трудно было встретить более доброжелательного человека. В написанных им воспоминаниях я не нашёл ни одного сколько-нибудь критического замечания о своих друзьях, сотрудниках, начальниках, хотя некоторые из них, насколько я мог судить по рассказам других востоковедов, были далеко не ангелы. Да и вообще, любое академическое сообщество, как и все сообщества талантливых людей, весьма не просто в управлении, чего Петросян, возглавлявший Филиал Института востоковедения в течение более четверти века, не мог не знать. На мой вопрос, почему он об этом не упоминает, он ответил, что никогда не обращал внимания на какие-то сплетни и интриги, и если кто-то о ком-то говорил что-то плохое, то он тут же обо всем забывал и того, кто говорил, и о том, что говорили. И, действительно, я никогда от него не слышал ни одного плохого слова даже о тех, кто по отношению к нему поступал явно несправедливо.

Правда, однажды, в один из наших последних разговоров он изменил своему правилу. Узнав об избрании членом-корреспондентом РАН одного московского администратора, научные заслуги которого были, мягко говоря, не известны, но было известно, что его статьи и книги писали другие люди, Петросян сказал: «Сам факт попадания такого человека в академическое сообщество свидетельствует о том, что в РАН не все в порядке». Следует заметить,

что он прекрасно понимал, что происходит вокруг. Однажды на моё брюзжание о падении академических нравов во время выборов он заметил: «Вы напрасно думаете, что раньше было иначе. И друзей предавали, и негодяев протаскивали, и даже жён для успеха карьеры подкладывали кому надо». Как показали позже опубликованные интересные заметки Ю.А. Золотова «Выборы в Академию наук», действительно некоторые претенденты в это высокое сословие о рыцарской чести не всегда заботились.

Краткие ремарки Петросяна становились для меня руководством на всю жизнь. В этом отношении показателен наш разговор 22 июня 1998 г. Мы с ним вместе открывали Международную школу по социологии науки. Всем было ясно, что страна стоит на пороге катастрофы. Бюджетных денег ни на коммунальные расходы, ни зарплату не поступало. Жили мы за счёт 15% отчислений от грантов РГНФ и РФФИ, но и их стали задерживать. Эмоционально обрисовывая сложившуюся обстановку, я обронил слово «катастрофа». На что он мне ответил буквально следующее: «А катастрофы полной никогда не бывает. После нее всегда что-то остаётся». И я подумал, если так рассуждает человек, переживший Великую Отечественную войну, поздний сталинизм и потерявший в автокатастрофе семью, то мне не к лицу паниковать в сложившейся ситуации. Вскоре грянул августовский кризис 1998 г., но Петросян оказался прав. Уже весной 1999 г. появился просвет.

Последние годы своей жизни Петросян тяжело болел, но никогда не забывал позвонить накануне Нового года. Поскольку я это обычно делаю или в новогоднюю ночь, или 1 января, он всегда опережал меня. Только раз мне удалось его опередить с поздравлениями. Это было незадолго до его кончины. Видно было, что ему трудно говорить. Вскоре его не стало. По решению родственников прощание проходило в узком кругу самых близких. В его лице мы потеряли одного из самых бескорыстных представителей Санкт-Петербургской науки, верного ее лучшим традициям.

Г.Ф. Терещенко был первым заместителем председателя СПбНЦ РАН до своей скоропостижной кончины в мае 2010 г. По специальности химик, он внимательно относился к истории науки, а после смерти А.А. Фурсенко после долгих уговоров согласился возглавить СПбО РНК ИФНиТ и по мере сил и возможностей старался нам помогать. К тому времени из-за огромной занятости Алфёров не всегда мог приходить на конференции, и от его имени их часто открывал Терещенко. Последние годы он возглавлял также Санкт-Петербургскую комиссию по подготовке к празднованию 300-летней годовщины со дня рождения М.В. Ломоносова и немало сделал для разработки плана юбилейных мероприятий и изданий, а также для его реализации. В этом ему активно помогала Т.М. Моисеева, которая вместе с Г.И. Смагиной выступила с инициативой издания после долгого перерыва очередного, 10-го выпуска сборника «Ломоносов. Сборник статей и материалов». Вместе с Г.Ф. Терещенко я был титульным редактором этого издания, базирующегося, в основном, на неопубликованных или малоизвестных материалах. Но моё участие в этом проекте было сугубо номинальным.

Невозможно рассказать подробно о других сотрудниках СПбНЦ РАН, с которыми я сталкивался в работе и без помощи которых мне и моим сотрудникам, прежде всего, учёным секретарям Татьяне Ивановне Юсуповой и Надежде Алексеевне Ащеуловой было бы трудно реализовать наши планы. Это работники иностранного отдела, возглавляемые Дмитрием Кузьмичем Донским, заведующий отделом кадров Ю.Н. Фокичев, начальник секретариата Эльвира Анатольевна Морозова, и, конечно, начальник научного отдела Елена Александровна Иванова, которая участвовала во всех наших главных проектах и конференциях, прежде всего, по социологии науки. Причём все делалось в соответствии с академическими традициями. Жизнь текла своим чередом, кто-то уходил, на их места приходили другие, но этос, заложенный великими предшественниками, продолжал жить. И очень жаль, если они исчезнут в огне скоропалительных реформ.

Со времён В.И. Вернадского, создавшего Комиссию по истории знаний, известно, что вести историко-научные исследования невозможно, не опираясь на поддержку академического сообщества и, прежде всего, его директорского корпуса. В последние десятилетия многие академические учреждения возглавляли директора, не только понимающие значение истории науки, но и сами профессионально занимающиеся ею. Среди них я, прежде всего, хотел бы назвать директора БАН В.П. Леонова, который активно помогал при организации симпозиумов «Немцы в России» и «Цензура в России», ежегодных конференций СПбО РНК ИФНиТ, многократно выступая с докладами, посвящёнными истории БАН. Леонов всегда откликался на наши просьбы организовать книжные выставки, приуроченные к юбилейным датам в истории науки. Только в 2013 г. БАН организовал три выставки, посвящённые 125-летию со дня рождения Н.И. Бухарина, 150-летию со дня рождения П.К. Козлова и 60-летию со дня рождения СПбФ ИИЕТ РАН. Леонов дружил с Д.В. Лебедевым и трогательно заботился о нем, поддерживая его до последних дней.

СПбФ Архива РАН всегда оставался для нас близким и родственным учреждением. Комиссия по истории РАН, созданная ещё С.И. Вавиловым, вошла в состав ЛО ИИЕТ, став одним из главных его подразделений. Мы с директором Архива В.С. Соболевым сотрудничали ещё до моего директорства. И впоследствии, когда он возглавлял Российский государственный архив военно-морского флота, я его активно вовлекал в наши проекты, благодаря которым был выполнен ряд важных исследований по истории Академии наук, и в свою очередь помогал печатать труды, подготовленные в Архиве. Среди них и книга «Во главе первенствующего учёного сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг.», о которой я скажу ниже. Хорошие рабочие и дружеские отношения я поддерживаю с нынешним директором СПбФ Архива РАН, крупным историком И.В. Тункиной. Как член Учёного совета я стараюсь по мере сил участвовать в их повседневной жизни и в изданиях.

Судьба распорядилась так, что наш ближайший сосед — Кафедра иностранных языков. За все время моей работы в филиале я не помню ни одного случая, омрачившего наши добрососедские отношения. Практически все научные сотрудники Филиала — ученики этой кафедры, на которой они не только сдавали кандидатские экзамены по языку, но и изучали другие языки, оказавшиеся необходимыми для работы. Соответственно в преподавателях кафедры, возглавляемой Юрием Петровичем Третьяковым, они видят прежде всего высокообразованных и милых, но при этом требовательных учителей.

На конференциях по истории науки часто выступают директор Института социологии Ирина Ильинична Елисеева, директор Института восточных рукописей И.Ф. Попова, директор Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Ю.К. Чистов, директор Института лингвистических исследований Н.Н. Казанский. С Санкт-Петербургским институтом российской истории, возглавляемым В.Н. Плешковым, были изданы 4 тома сборников о деятелях российской науки. Несколько раз их соредактором был И.П. Медведев.

Как и прежде, я старался по возможности взаимодействовать с биологами. У меня сложились хорошие отношения практически со всеми руководителями биологических институтов РАН. Особенно много мне помогали академик Юрий Викторович Наточин и член-корреспондент РАМН Владимир Олегович Самойлов. С большим интересом к истории науки относятся академик Александр Федорович Алимов и член-корреспондент Олег Николаевич Пугачев из ЗИН. В наших мероприятиях не раз участвовали директор БИН Василий Трофимович Ярмишко и особенно его заместитель Дмитрий Викторович Гельтман, бывший и нынешний директор ИЭФБ академики Владимир Леонидович Свидерский и Николай Петрович Весёлкин. Мы часто плодотворно беседуем с Александром Даниловичем Ноздрачевым, много сделавшим для изучения истории физиологии в Санкт-Петербурге. В конференциях и проектах,

инициируемых мной, постоянно участвуют зоологи А.В. Балушкин, Л.Я. Боркин, А.В. Смирнов, С.И. Фокин, ботаник А.К. Сытин, историк медицины Ю.П. Голиков.

Более 20 лет я как совместитель работал на философском факультете на кафедре философии науки и техники, которую с 1994 г. до недавнего времени возглавлял мой тёзка Эдуард Федорович Караваев. Логик по специальности, Караваев прекрасно ориентируется в вопросах истории и методологии науки, в том числе и эволюционной теории. Он внимательно следит за новейшими работами в этой области, и наши нечастые встречи и беседы всегда были очень полезными для меня. Ему удалось собрать на кафедре блестящий коллектив исследователей, в том числе историка химии Игоря Сергеевича Дмитриева, а также В.П. Бранского и А.С. Мамзина — ведущих специалистов в области философии естествознания. Алексей Сергеевич Мамзин на протяжении всего моего творческого пути оставался мудрым старшим товарищем и исключительно доброжелательным человеком. Мне всегда приятно встречаться с Борисом Васильевичем Марковым — учеником М.С. Козловой и другом моих друзей, прежде всего, И.Ш. Шмерлинга. С Марковым мы провели ряд содержательных и интересных конференций. В силу сложившихся обстоятельств недолго просуществовали курсы по переподготовке преподавателей по истории и философии науки, созданные по инициативе Михаила Семеновича Уварова в Республиканском гуманитарном институте в СПбГУ. Но в его лице я встретил блестящего мыслителя с широким кругозором в области эпистемологии, истории и философии естествознания.

Для меня всегда было важно участие в заседании Специализированного совета на философском факультете, который бессменно возглавляет человек высокой культуры руководитель Петербургской логической школы Ярослав Анатольевич Слинин. Для всех воспитанников этой школы характерен не только его профессионализм и широта научных интересов, но и исключительное чувство юмора. Помимо Э.Ф. Караваева к ней принадлежат блестящие методологи науки Станислав Сергеевич Гусев и Борис Иванович Федоров, из общения с которым я почерпнул много полезного. Меня связывают многолетние дружеские отношения с другим представителем этой школы — Владимиром Ивановичем Кобзарем, который на втором курсе вёл у нас семинары по математической логике. В дальнейшем мы несколько лет совместно работали в ЛО ИИЕТ и даже как-то вместе калымили. Я всегда с интересом слушаю выступления крупного специалиста по философии культуры и личности, а также логике и методологии науки Григория Львовича Тульчинского, также закончившего кафедру логики.

К воспитанникам этой школы принадлежит Юрий Никифорович Солонин — ученик блестящего И.Н. Бродского, читавшего нам математическую логику. Диапазон научных интересов Солонина, как и других логиков, широк. Он эксперт в области истории философии и логики, философии науки и теории идеологии. Солонин создал и возглавляет кафедру культурологии философского факультета. Но особенно велика его роль в модернизации философского факультета СПбГУ, который он возглавлял более 20 лет. Благодаря его исключительным административным и организаторским способностям факультет коренным образом изменился, стал открытым внешнему миру. Созданы десятки новых кафедр и специальностей. Разительные изменения произошли во внешнем облике факультета, который по благоустройству, оборудованию техникой может конкурировать с другими мировыми центрами философской мысли.

Академическая среда всегда отличалась высокой степенью демократизма: в ней звания, степени, должности, происхождение, а тем более состояние практически не играли никакой роли в профессиональном общении. Ещё будучи младшим научным сотрудником, я, как и многие мои коллеги, на равных общался и дискутировал с признанными в мире учёными, занимавшими высокие должности в академической иерархии. Более того, иногда даже заочно, по электронной почте, ты знакомишься с человеком, и между Вами завязывается оживлённая

переписка как между близкими друзьями. Таким человеком для меня оказался член-корреспондент РАСХН Николай Петрович Гончаров, которого я никогда не видел, но благодаря переписке стали понятнее многие аспекты жизни Н.И. Вавилова. В последние годы я нашёл удивительно близкого мне по духу академика РАСХН, генетика Виктора Александровича Драгавцева.

Быстро на «ты» мы перешли с заслуженным деятелем науки, профессором политологии Южного университета Виктором Павловичем Макаренко. Он прочитал книгу «Наука и кризисы» и стал активно пропагандировать предложенную там концепцию, а потом пригласил меня и И.С. Дмитриева для выступления на одном из организуемых им симпозиумов. Оказалось, что мы не только одногодки, но и много есть схожего в наших биографиях. Но самое главное, выяснилось, что, несмотря на разницу в специальностях, мы придерживаемся близких взглядов на проблемы взаимоотношения научного сообщества с властью. Это позволило нам с первых встреч говорить легко, как будто бы мы знали друг друга всю жизнь.

Именно ненависть к этому академическому духу свободу и взаимному взаимопониманию стали причиной разгрома РАН, учинённого на глазах всей страны людьми, не получившими признания академического сообщества, но, тем не менее, назначенными смотрящими за ним.

В последнее время часть средств массовой информации вели кампанию против Академии наук. Я могу твердо сказать, что в приписываемых ей грехах не повинен ни один из академиков и директоров, с кем мне приходилось сотрудничать в последние десятилетия. Я никогда не слышал об откатах или о зарплатах директоров, в несколько десятках раз превышающих доходы их сотрудников, что, судя по печати, стало нормой для учреждений, подчиняющихся Минобрнауки. Более того, среди директоров академических учреждений Санкт-Петербурга встречались подлинные подвижники науки, ведущие спартанский образ жизни. Таким был недавно скончавшийся член-корреспондент РАН, директор Института цитологии В.Н. Парфенова. Он жил на первом этаже в моем подъезде. В последние годы я часто заходил к нему, чтобы обменяться новостями, посоветоваться, да и просто поговорить о житьё-бытьё. Будучи директором лучшего в Санкт-Петербурге биологического института с высоким международным рейтингом, он жил не просто скромно, но по нынешним меркам очень бедно, если не сказать больше.

Расширяющийся круг: от социальной истории к сравнительным исследованиям

Распределение по секторам никогда жёстко не определяло исследований в СПбФ ИИЕТ. Ещё более размытыми стали границы во второй половине 1990-х гг. Большое развитие получили исследования, в которых сотрудники различных секторов участвовали в рамках временных творческих коллективов, создаваемых для реализации проектов по грантам различных отечественных и зарубежных фондов, а также по академическим программам. Нередко эти проекты не только выполнялись под моим руководством, но я был их инициатором и главным исполнителем. Неизбежно при этом шло расширение проблемного пространства моих исследовательских интересов, так как я стремился реализовать единство когнитивного и социального подходов в истории науки, когда изучение социальной истории науки базируется на знании самой науки и научной методологии как неразрывного целого. В этом отношении мои предшествующие исследования облегчали переход к новой тематики, так как из естественных наук биология в наибольшей степени оказалась подверженной всякого рода деформациям, обусловленным идеолого-политическими причинами. Разрабатывая социально-политические, социально-культурные и идеологические аспекты развития биологии, неизбежно стал-

квиваешься с проблемами взаимоотношения науки и власти, а также взаимодействий типа: наука и философия, наука и репрессии, наука и псевдонаука, наука и кризисы, наука и война и др. Изучение социальной истории биологии в контакте с учёными разных стран, особенно Германии, Китая, США и Японии, в свою очередь, стимулировало к более широким обобщениям, часто построенным на сравнительном анализе разных «идеологически корректных наук», в смысле М. Уолкера, в разных странах и в разные времена.

В эти годы я активно работал в академических и партийных архивах, развивая идеи об ответственности части научного сообщества в возникновении разного рода «пролетарского» или «диалектического» естествознания, а, в конечном счёте, практики решения научных разногласий путём апелляции к властям с указанием на идеологически чуждые взгляды оппонентов. Исходным пунктом здесь стали различные попытки учёных в 1920-е гг. политизировать научные дискуссии, нередко инициированные самими учёными. По моему мнению, поддержка видными биологами, включая генетиков, идеи А.М. Деборина создать диалектическое естествознание способствовала «культурной революции» 1929–1932 гг., которая подорвала позиции лидеров отечественной науки, вставших на путь сотрудничества с большевиками (Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, Н.К. Кольцов, В.Н. Сукачев, Ю.А. Филипченко и др.), и выдвинула на авансцену новое поколение советских учёных, в том числе Т.Д. Лысенко и И.И. Презента. Монографически эти идеи впервые были изложены в 1999 г. в книге «В поисках советского „союза“ философии и биологии» (1999). Благодаря сотрудничеству с директором Института истории современного образования и науки Ганноверского университета профессором М. Хайнеманном, организовавшим в Академии естествоиспытателей Леопольдина в Галле две большие международные конференции «Наука и власть» (1996) и «Холодная война: воспитание, образование и наука» (1998), удалось провести комплексное изучение феномена «советской науки», финансируемое немецким фондом Volkswagen. По предложению Хайнеманна, на базе материалов участников этих конференций из России и Германии была подготовлена книга «За „железным занавесом“: Мифы и реалии советской науки» (2002). О ней даже была специальная передача по «Немецкой волне», заплатившей нам с Хайнеманном за это по 48 евро. Кстати, это был единственный гонорар полученной мной за последние 20 лет от средств массовой информации. Отечественные журналисты, телеведущие, режиссёры документального кино и т. д., не раз привлекая меня для консультаций и интервью, ни разу даже не заикнулись о гонорарах, считая, видимо, что оказывают мне честь. Это один из показателей отношения к знаниям учёных в современной России. В дорыночном СССР дело обстояло иначе.

Центральными проблемами были выбраны особенности взаимоотношений науки, государства и общества в условиях формирующегося и усиливающегося режима государственного и политического тоталитаризма. К основным аспектам рассматриваемого процесса отнесены изменения в сфере академической науки и системы высшего образования, специфические особенности формирования «пролетарской» биологии, становление системы информационного контроля и вынужденный изоляционизм советской науки в период Холодной войны.

Для редактирования этой книги Хайнеманн пригласил меня на полтора месяца в свой Институт, где предоставил уникальные возможности для работы с новейшей литературой и ее копирования. По моим заявкам, любая книга из библиотек Германии доставлялась прямо в Институт в течение нескольких дней. Более того, в моем распоряжении круглосуточно была институтская библиотека, насчитывающая около 30 000 и постоянно пополняющаяся. Это позволило мне в этот и последующие ежегодные приезды не только подробно ознакомиться с состоянием историко-биологических исследований на Западе, но и собрать уникальный литературный и отчасти архивный материал по социальной истории биологии в разных странах, прежде всего в Германской империи, Веймарской республике, Третьем Рейхе и США.

Помимо меня, проведшего в этом институте в общей сложности более полугода, несколько раз в Ганновер приезжал М.Б. Конашев, а также по месяцу работали Н.Е. Берегой, А.В. Самокиш, А.А. Федотова, Т.И. Юсупова. Подолгу работали у Хейнеманна и учёные из других учреждений РАН. Для облегчения общения с ними он даже в конце 2002 г. принял на полставки Елену Локшину, эмигрантку которая блестяще знала немецкий. От неё, а также от часто бывавшей у Хейнеманна в последние годы Ольги Синчиновой, работавшей ранее в Физико-техническом институте, а затем в Ганноверском университете, удалось много узнать о трудностях адаптации мигрантов из России к жизни в Германии. В то время ещё не все понимали разницу между туризмом или кратковременной работой за границей и эмиграцией.

Хейнеманн отличался высокой активностью, все время фонтанировал идей грандиозного немецко-русского проекта о советской науке в годы Холодной войны, часто приезжал в Россию, вёл переговоры со многими руководителями петербургских вузов и институтов. В свою очередь, в Германии он старался организовывать мне встречи с ведущими немецкими историками биологии, а заодно и знакомил с различными городами Германии. Не раз я бывал у него дома, благодаря чему мог узнать, как живёт преуспевающий немецкий профессор, и сравнить с бытом нашей профессуры, который на этом фоне выглядел просто нищенским. Однако первоначальный вариант проекта встретил ряд вопросов и замечаний, на которые, по правилам Немецкого исследовательского фонда (DFG), надо было отвечать, а Хейнеманн не привык к тому, что грант ему дают не сразу, и мы его не получили.

В связи с достижением им пенсионного возраста его Институт влили в какой-то другой, а его перевели в статус почётного профессора. Он по-прежнему активен, не раз приезжал в Санкт-Петербург, приглашал в Ганновер. К сожалению, обстоятельства складываются так, что я все не могу туда выбраться. И это жаль, так как никогда и нигде я не имел столь благоприятных условий для работы, которые создавал мне М. Хейнеманн.

Поскольку было невозможно работать с 7 утра до 11 вечера, я каждый день совершал длинные пешие прогулки по городу или по лесопарку рядом с Институтом, что позволило воочию видеть, как введение в Евросоюзе единой валюты сказалось на повседневной жизни Германии. Если в первые годы Ганновер производил впечатление процветающего города, то с заменой марки на евро реальная покупательная способность граждан сократилась, по крайней мере, в два раза. Это было достигнуто просто: в цифрах зарплата и цены остались прежними. И уже с 2003 г. все чаще приходилось сталкиваться с целыми кварталами закрытых магазинов. Больше впечатление на меня произвели опустошения в крошечных садах-огородах, размером не более сотки, где стояли маленькие домики, росли пара деревьев, несколько кустов и цветы. Многие из них вскоре оказались заброшенными, так как хозяева, видимо, не могли платить налоги за аренду, а желающих купить участок не было.

На моих глазах происходило резкое возрастание числа мигрантов из России, русская речь слышалась повсеместно. Характерен разговор подростков в трамвае: «У нас в классе только два мальчика говорят по-немецки, а в соседнем классе только одна девочка знает немецкий язык». Выплаты пособий мигрантом по немецкой и еврейским квотам также обременяли немецкий бюджет. Хозяевами и обслугой большинства шашлычных, пиццерий, бистро и прочих заведений питания были мигранты, преимущественно из Китая, Турции, арабских стран. Немало было и выходцев из Африки, многие из которых вряд ли были студентами или высококвалифицированными сотрудниками.

Тем не менее, я ни разу не слышал из уст немцев ни единого расистского или националистического высказывания и не сталкивался с враждебностью по отношению к понаехавшим мигрантам. Немцы моего поколения были воспитаны с сознанием национальной вины и платили долг за грехи предшественников. Здесь были немыслимы даже шутки на подобные темы. Полагая, что ввиду моего отчества меня никогда нельзя заподозрить в антисемитизме,

я как-то рассказал еврейский анекдот в компании Хайнеманна, его сотрудницы-переводчицы и семейной пары, у которой мы ночевали в окрестностях Ольденбурга. Неожиданно для меня воцарилось молчание, а затем переводчица, также еврейская эмигрантка из России, которая сама несколько не была шокирована анекдотом, посоветовала мне не шутить подобным образом. Оказывается, за подобные шутки можно попасть в тюрьму. Для меня это было удивительно, так как в России никто в анекдоте не усматривал националистической подоплёки. Еврейские анекдоты семиты рассказывают с не меньшим удовольствием, чем антисемиты.

В другой раз шутить подобным образом мне отсоветовала моя ученица, с которой я был в знаменитом пивном баре Мюнхена, откуда начиналась карьера А. Гитлера. Мне показалось историческим парадоксом, что белокурые гретхен обсуживают посетителей, большинство из которых были явно не арийского происхождения. И я спросил, а что будет, если я в шутку выкрикну нацистское приветствие. Мне ответили, что пять лет тюрьмы гарантировано, невзирая на моё отчество. Позже я узнал, что с подобными шутками можно нарваться на неприятности и Великобритании, и в США. Оказалось, что идеи и лозунги национал-социализма даже в быту безнаказанно можно произносить только в России, стране, в наибольшей степени пострадавшей от нацистской Германии. Здесь нацистские лозунги звучат отнюдь не как шутки.

Благодаря Хайнеманну я мог лучше окунуться в повседневную жизнь Германии и убедиться воочию, что благодаря организованности и трудолюбию немецкого народа не только построена процветающая страна, но тратятся огромные средства для подъёма экономики многих других членов Евросоюза. Немцы безропотно несут это бремя, так как убеждены, что бескорыстная помощь другим странам позволит навсегда покончить с войнами в Европе. Я не уверен, что это так. Порой это расценивается нищими как слабость и появляется желание все отобрать. Арабское и африканское население Франция особенно далеко продвинулось в этом направлении из-за абсолютизации принципа толерантности.

Содружество с Хайнеманном позволило мне перейти к широкому сравнительному анализу особенностей отечественной науки и наук других стран, прежде всего, Германии. Впервые к этой проблематике я обратился в рамках крупного немецко-русского проекта, финансируемого Volkswagen, руководителем которого, как я уже говорил, был Дитрих Байрау. Однако не во всех разделанных подготовленной книге «В джунглях власти: интеллектуальные профессии при Сталине и Гитлере» (2000) удалось провести сравнительный анализ различных эпизодов из истории науки двух стран, так как российские исследователи почти не знали историю национал-социалистической науки. Пожалуй, только введение самого Д. Байрау, а также статьи Б. Фойленбаха о деформации исторической науки при Гитлере и Сталине и Г.-В. Шмуля о расовой гигиене и евгенике в Германии и СССР были выдержаны в жанре историко-сравнительного анализа

Участие в этом проекте позволило мне лучше понять, как готовятся коллективные монографии на Западе. Опыт был поучителен. Каждый год Байрау приезжал в Санкт-Петербург, чтобы заслушать наши отчёты о проделанной работе, которая обязательно должна была строиться на новом архивном материале, проанализированном с учетом целей и задач проекта. При этом каждый раз надо было сдать рукопись объёмом 4–5 печатных листов, которая в дальнейшем должны были стать основой твоей главы в будущей монографии. Кроме того, летом 1997 г., воспользовавшись моим пребыванием в Тюбингене, он предложил мне сделать доклад на семинаре, в котором участвовали не только немецкие, но и американские историки. Несколько дней мы вместе с историком биологии из Гамбурге Торстером Рюттингом жили в квартире Байрау, который доверил ему свою машину, чтобы он показал мне окрестности Тюбингена.

Итоговая конференция по проекту состоялась в горном городке Блаубойрен в Баварии в декабре 1997 г. В ней участвовали около 30 человек. С российской стороны доклады делали В.Д. Есаков, Б.С. Илизаров, Ю.С. Воронков, А.Б. Кожевников, А.П. Купайгородская, К.О. Россиянов, В.С. Соболев и др.; с немецкой — Л.-Д. Берендт, Ф. Дам, Т. Рюттинг, Б. Фауленбах, Г.В. Шмуль, Х. Мик и др. Каждый доклад вызывал оживлённые дискуссии, по итогам которых Байрау и принимал решение, какие из них следует включить в будущую монографию. Но прошло ещё более трех лет, прежде чем она увидела свет и была отмечена положительной рецензией а одной из ведущих немецких газет. На Западе это считается более важным, чем рецензия в научном журнале. Неожиданно для меня, среди участников проекта, не выполнивших взятых на себя обязательства, были и немецкие историки. На мой недоуменный вопрос, как такое возможно в Германии, Байрау ответил: «В России немало мифов о дисциплинированности и обязательности немцев, на самом же деле разгильдяев и среди них хватает».

И ещё несколько деталей врезалось мне в память во время работе над этим проектом. Несколько дней я работал в Институте, возглавляемом Байрау. Все научные сотрудники знали русский язык, а стажеры из России безукоризненно владели немецким. В библиотеке Института, состоявшегося из нескольких человек, были все ведущие международные журналы, связанные с историей России и российской науки. Более того, там было огромное собрание разного рода учёных записок, вестников и трудов вузов, включая периферийные, связанные с историческими исследованиями. Наши библиотеки никогда так не комплектовались.

Поскольку конференция в Блаубойрене должна была состояться через несколько дней после моего выступления на другой конференции в Гёттингге и возвращаться на два-три дня в Россию было нецелесообразно. Байрау пригласил меня приехать до конференции, поселив в дом одной из своих знакомой, которая после войны вместе с родителями инженерами была вывезена в Ленинград, где прожила несколько лет, учась в советской школе. И хотя они вроде были там на положении военнопленных, женщина (к сожалению, я не могу вспомнить ее имя), тепло вспоминала юность, проведённую на чужбине, и была рада приютить меня в память тех лет. С ностальгией вспоминал прошлую жизнь в СССР и эмигрант из Казахстана, немец по происхождению, с которым я случайно познакомился. При этом он удачно устроился, работал фактически по специальности водителем автобуса, а в СССР он был автомехаником в совхозе.

Работа над проектом «Образованные слои при тоталитарных режимах» оказалась знаковой для меня. Прежде всего, она дала опыт командной работы в международном проекте. В этом отношении полезным был симпозиум в г. Блаубойрен и семинары в Тюбингене и Санкт-Петербурге. Они давали возможность посмотреть как бы со стороны результаты собственных исследований, сравнить их с результатами коллег и т. д. Во-вторых, сам проект показал мне перспективы историко-сравнительного анализа развития науки в разных странах и побудил к изучению огромного комплекса литературы об истории немецкой науки в конце XIX — первой половине XX. И в-третьих, впервые в моих публикациях основные выводы были сделаны не на изучении литературных первоисточников, а на архивном материале. С тех пор работа в архивах стала неотъемлемой, а порой и главной компонентой моих работ.

В 2001 г. Байрау попросил пригласить его в качестве визит-профессора на несколько месяцев, но оплачивало все немецкая сторона. Вообще в международных контактах того времени существовали дикие обычаи. Когда мы ехали за границу, то приглашающая сторона оплачивала все, а затем, когда они приезжали к нам, то тоже за все платили сами. Мы же не имели, да и сейчас не имеем права заплатить им ни копейки, даже если они участвовали в наших грантах. И если в начале 1990-х гг. это ещё как-то можно было объяснить, то по мере появлению у нас все большего количества бизнесменов, скупающих в западной Европе дворцы

и имения, зарубежным коллегам становилось непонятно, почему российские учёные находятся в столь бедственном положении и почему они должны тратить на них деньги своих налогоплательщиков. Я прекрасно понимал справедливость подобных рассуждений и поэтому старался по мере сил и возможностей найти средства для частичного финансирования совместных проектов.

Во время пребывания в Санкт-Петербурге Байрау выступил с докладом «Утопические элементы в реализации социальных цивилизаций: наука, техника, психотехника и т. п.», в котором шла речь о попытках воспитать «нового» человека в СССР в 1920—1930-х гг. Часть наших сотрудников, не желавших отказываться от исторических идеологем прошлого и не знакомых с методологией социальной истории науки, враждебно встретила этот доклад, что отнюдь не обескуражило Байрау. После доклада мы подробно обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества. В частности, он предложил кому-нибудь из наших молодых кандидатов исторических наук поддать заявку на получение двухгодичного гранта в Немецкого фонда Герды Хенкель, что и было сделано А.Н. Дмитриевым.

Тогда же мы с Байрау договорились о проведении в Санкт-Петербурге Международную конференцию о взаимодействии науки и общество в Первой мировой войне приуроченной к 90-летию ее начала. Эта проблема по ряду причин практически не затрагивалась в советской историографии, тогда как в немецкой ей было посвящено огромное количество работ. Конференция состоялась в апреле 2003 г. в финансовой поддержке РФФИ, РГНФ и Немецкого фонда Герды Хенкель. В ней участвовали около 30 учёных Германии и США. Были обсуждены проблемы: развития науки накануне 1914 г.; пропагандистской войны как средства мобилизации учёных; взаимодействия науки и государство, науки, техникой и промышленностью; организации науки во время войны; соотношения патриотизма и диссидентства; преодоления последствий войны. Большой объём организационной работы выполнила моя ученица Юлия Александровна Лайус, которая по совместительству работала в Европейском университете и имела большой опыт проведения международных мероприятий. Она же вместе со мной и Байрау стала редактором «Наука, технология и общество в Первой мировой войне» (2007), построенной на материалах конференции. Перевод статей немецких авторов был выполнен Г.В. Снежинской, с которой мы сотрудничали много лет. В этой книге впервые был дан последовательный историко-сравнительный анализ взаимоотношений между наукой, техникой и обществом России и Германии в период Первой мировой войны и рассмотрены различные аспекты воздействия войны на организацию науки, на ее взаимодействие с военной промышленностью, на соотношение фундаментальных и прикладных исследований, на систему международных связей, на нормы и ценности научного сообщества. Особое внимание в работе было уделено использованию опыта Первой мировой войны для мобилизации науки в годы подготовки и ведения Второй мировой войны.

Последний вопрос позднее был проанализирован мной вместе с В. Грунденом (США), Г. Майером (Германия), Ю. Кавамура и М. Ямазаки (Япония) в крупном международном проекте «Сравнительная история Общества Кайзера Вильгельма (ОКВ) при национал-социализме», с участием более 30 учёных из более разных стран. Руководителями проекта, финансируемого Обществом Макса Планка, были крупнейшие специалисты по истории науки в Третьем Рейхе К. Сакс (Германия) и М. Уолкер (США). Им удалось собрать сильный международный коллектив, члены которого дважды встречались в Доме Гармака Общества Макса Планка (Берлин) для обсуждения хода совместной работы. Сложность этой работы заключалась в том, что сравнительный анализ надо было провести сквозь каждую главу, написанную представителями разных стран. Итоги этого проекта были опубликованы в специальном выпуске альманаха «Osiris» под названием «Политика и наука в военное время. Сравнительное изучение Общества Кайзера» и были использованы также в русско-японском проекте

«Наука и война. 1935–1953. Сравнительное исследование», руководимое Хироши Ичикава и финансируемое японской стороной. В рамках этого проекта состоялся круглый стол в СПбФ ИИЕТ в марте 2004 и симпозиум в Университете Хиросимы в сентябре 2005 г. Это был первый мой визит в Японию, да к тому же в город, пострадавший от ядерной обстановки. Хозяева были очень любезны и внимательны. Год спустя материалы симпозиума были опубликованы в книге «Наука и война», изданной на японском языке под редакцией Ичикава Хироши.

Участие в международных проектах и собранный литературный и архивный материал позволили приступить к сравнительному анализу особенностей отечественной биологии и науки Германии. В начале я намеревался ограничиться несколькими статьями в рамках гранта РГНФ, завершённого мною в конце 2003 г., незадолго до моей операции по аортно-коронарному шунтированию. Но выздоровление шло не быстро и я на несколько месяцев сел на бюллетень, да и после его закрытия далеко не каждый день ходил на работу. Образовавшуюся паузу заполнял выписыванием различных сюжетов из социальной истории биологии двух стран в переломные моменты их развития во второй половине XIX — первой половине XX века.

В то время одни авторы увлекались поисками сходных черт в арийской и пролетарской науке, другие с негодованием отвергали подобные попытки. Но, как правило, у нас на эту тему писали философы, не очень знавшие, какова на самом деле была наука в Третьего Рейхе, каковы были ее взаимоотношения с властями и в какой степени учёные были вовлечены в политику национал-социалистов. Им не был известен обширный массив литературы на английском, а тем более на немецком языке, посвящённой этой тематике. У меня же к тому времени скопились сотни ксерокопий книг и статей, сделанных во время визитов в Ганновер. К тому же была возможность уточнять и проверять сведения в последующие годы. Важным стимулом служил и рост популярности национал-социалистических идей и лозунгов в России, что, по моему мнению, грозило национальной катастрофой. Я хотел показать, как самые благородные идеи улучшить все человечество или свою нацию, в конечном счёте, ведёт к гибели собственную страну, так как это делается за счёт уничтожения других.

Таким образом, не чисто научный интерес, но и желание понять аномалии российского общества, дрейфующего в сторону правого радикализма, побуждали меня завершить проект книгой «Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века: между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом». Неожиданно с первого заходы был получен издательский грант РГНФ, и уже на границе 2006 и 2007 гг. был отпечатан тираж в 1000 экземпляров. Опираясь на опыт участия в вышеуказанных международных проектах, я старался провести комплексный историко-сравнительный анализ когнитивных, институциональных, социально-культурных и политико-идеологических факторов развития биологии в России и Германии в конце XIX — первой половине XX в. Динамика взаимодействия науки, власти и общества в ходе «пролетаризации», «аризации», «национализации» и «милитаризации» биологии рассматривается сквозь призму эволюции политики правящих элит по отношению к биологии, а также с учётом борьбы внутри биологического сообщества и реакции различных групп учёных на создание «идеологически корректной биологии». Показана роль биологии в модернизации двух стран, в установлении и функционировании тоталитарных режимов, изменение ценностных ориентаций и традиций биологического сообщества, тематики и дискурса биологических исследований, их философских и идеолого-политических оснований.

Книга имела большой успех, быстро превратившись в библиографическую редкость несмотря на приличный для наших дней тираж. Сделанная два года спустя допечатка также быстро исчезла. На книгу вышло около 20 рецензий не только в отечественных и зарубежных

научных журналах, но и в средствах массовой информации: газетах, радио и телевидение. Номинировали ее и как лучшую книгу на 2007 г., о чем я, правда, узнал только из прессы.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». И в Интернете, и в беседах с коллегами приходилось убеждаться, что некоторые увидели в книге реабилитацию учёных, принявших идеи национал-социалистов и участвовавших в их осуществлении. Были и такие, кто считал, что биологи Третьего Рейха даны в более привлекательном виде, чем советские. На самом же деле я писал, что попытки создать некую арийскую или немецкую биологию завершились неудачей, в то время как в СССР расцвела «мичуринская биология» от имени которой репрессировались другие направления. Вообще кощунственно обсуждать, где было лучше, а где хуже на фоне трагической истории немецкой и советской биологии при тоталитарных режимах. В СССР жертвы измеряются сотнями, тогда, как в Третьем Рейхе уничтожены только два биолога: В. Арнд и Г. Прижбрам, и около 15 были уволены с государственной службы. У нас только во Всесоюзном институте растениеводства, созданном Н.И. Вавиловым, цифры на порядок выше. И особенно странно было слушать упреки, что на фотографиях немецкие биологи в эсэсовских формах выглядели симпатично. Видимо, приверженцы черно-белой истории науки, хотели бы, что вместо фотографий я помещал бы их карикатуры.

Наука и кризисы

Примером удачного сотрудничества историков науки многих странах США, Японии, Китая и России в рамках проекта, предложенного российской стороной и поддержанного РГНФ, на мой взгляд, может служить коллективный труд «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки» (2003). Идея провести комплексное исследование наук при тоталитарных режимах XX в. возникла в 1994 г. в беседах с профессором Я.М. Рабкиным из Канады. Когда-то он учился в аспирантуре ИИЕТ АН СССР, подавал большие надежды. Мы с ним познакомились в те годы благодаря его однокурснице Ларисе Фроловой, работавшей в ЛО ИИЕТ. На меня большое впечатление произвёл доклад Рабкина, если не ошибаюсь, о институционализации прикладной химии в США. И по стилю, и по содержанию он резко отличался от остальных. Но каких-то тесных отношений не было, так как показался типичным общественником на почве науки.

Неожиданно он стал правоверным иудеем, и по окончании аспирантуры эмигрировал в Израиль, оттуда переехал в Канаду, где стал профессором истории Монреальского университета, автором резонансных монографий по взаимодействию науки и техники, науки и культуры, а также по политической истории науки. Ряд из них посвящены судьбам науки и учёных после расформирования СССР, взаимоотношению политических свобод и свободы научного поиска. Он был известен не только в научной среде, но и в общественно-политических кругах, будучи консультантом ряда международных организаций (ОЭСР, НАТО, ЮНЕСКО, Всемирный банк) по вопросам науки и высшего образования и неоднократно выступая в престижных журналах и газетах, а также на радио и телевидении многих стран.

Ко мне он обратился с идеей провести серию международных конференций, посвящённых сравнительному анализу науки при тоталитарных режимах, начиная с революционной Франции XVIII века и кончая китайской культурной революцией в 1960-е гг. Имевший богатый опыт научно-организационной работы на западе, свободно владевший пятью языками, глубокий исследователь, Я.М. Рабкин был для меня интересным собеседником и многообещающим партнёром. К тому же мы оба росли в реалиях поздней хрущевской оттепели и ранних брежневских заморозков и легко понимали друг друга. Хотя меня и забавлял его несколько демонстративный фундаментализм, жёсткое следование всем предписаниям иудаизма в повседневной жизни.

В ряде встреч, а также в активной переписке в 1994–1995 гг., был очерчен круг проблем, объектов исследования, цели и задачи, сформулирована методология и идеология предстоящей программы, в которой предполагалось рассмотреть переломные моменты в истории Франции, Германии, России, США, Италии, Испании, Китая и т.д. Первая установочная конференция «Научная политика между автономией и централизацией» должна была состояться в Санкт-Петербурге. Благодаря Рабкину ею заинтересовался какой-то совет НАТО, выразивший готовность финансировать встречу, попросив изменить название на «Continuity and Rupture between Totalitarian and Post-totalitarian Research System» и ориентироваться не только на историю и социологию науки, но и науковедение, политику, право и экономику науки, т.е. весь круг вопросов, входящих в формирующуюся отрасль знаний Science of Studies. Было рекомендовано включить в состав участников не только представителей академических кругов, но и правительства, а также экспертов из разных городов России, союзных республик и бывших социалистических стран Восточной Европы. Будучи готовой внести решающий вклад в финансирование конференции, НАТО выразило желание знать, какая часть будет выделена местным правительством, а также РАН, СПбГУ, СПбСУ и т. д.

В целом большинство вопросов было урегулировано, мы прошли о первый этап какого-то конкурса, нам обещали 25 тыс. долларов, но окончательное решение должно было состояться после завершения выборов губернатора в Санкт-Петербурге. По словам Рабкина, в НАТО особенно обрадовались результатам первого круга, где уверенно лидировал А.А. Собчак. Но далее произошло неожиданное: харизматичный А.А. Собчак проиграл выборы какому-то совершенно неизвестному не только на Западе, но даже в Санкт-Петербурге хозяйственнику В.А. Яковлеву. С ним в Смольный пришла другая команда, в которой не было место известному в академических кругах либералу А.М. Елишевичу. На посту председателя Комитета по науке и высшему образованию Санкт-Петербурга его сменил малоизвестный заместитель декана приборостроительного факультета Ленинградского кораблестроительного института Виталий Александрович Рычков. Все планы были приостановлены, надо было налаживать новые контакты, в чем новые люди в Смольном не были заинтересованы. НАТО также не желала брать на себя всю тяжесть расходов и проект был отложен до новых времён. Потерял к нему интерес и Я.М. Рабкин, заявив, что на самом деле в каждой стране были разные ситуации и сквозное исследование провести трудно. В результате проект, интенсивно разрабатываемый в течение двух-трех лет, не состоялся.

Однако работа в этом направлении была начата в Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники РАН по инициативе Министерства науки и технологии РФ, возглавляемого вице-премьером правительства Е.В. Фуртовым. В начале 1997 г. он обратился с просьбой к академику-секретарю Отделения истории РАН А.А. Фурсенко подготовить в сжатые сроки исторический обзор о том, какие кризисы переживала наука в других странах и в другие времена и как она из них выходила. На предложение Фурсенко подготовить аналитическую записку на эту тему я вначале ответил отказом, но телефонный разговор с ним слышали Д.А. Александров и М.И. Микешин. В два голоса меня убеждали, что я не прав, что наш профессиональный долг довести до сведения правительства точку зрения историков науки на этот счёт, что они возьмут на себя всю основную работу, а на мою долю останется только титульное редактирование. С большим энтузиазмом мы обсуждали различные аспекты предполагаемой работы и была выработана исходная позиция, суть которой заключалась в том, что кризис это не катастрофа, а болезнь роста связанная с пересмотром взаимоотношений научного сообщества с властью и со становлением новой структуры их взаимодействий и языка. При этом были использованы и наработки из несостоявшегося проекта с Я.М. Рабкиным.

Успешный старт не нашёл продолжения. Д.А. Александров вскоре на месяц уехал в Норвегию, откуда прислал несколько страниц тезисов о советской науке в 1920-е гг. и реферативную работу о науке США в «Великую депрессию». Между тем, час Икс приближался и мне пришлось написать большую часть текста, включив туда разделы, присланные Д.А. Александровым, мой реферат его статьи о науке при национал-социализме, кое-какие материалы по российской науке, подготовленные А.В. Кольцовым и М.И. Микешиним. Хотя в основу обзора была положена нетривиальная концепция, в целом он был сырым и в значительной степени носил компилятивный характер. Поэтому мы решили, что поскольку правительственный заказ был получен через Фурсенко, то ему и решать, можно в таком виде его подавать в Министерство науки и высшего образования. Более того, я попросил Фурсенко быть вместе со мной титульным редактором, с чем он согласился, ознакомившись с текстом и внося в него ряд исправлений.

Обзор, названный «Наука и кризисы» (объёмом 6 п.л.), был оценён положительно, нам щедро заплатили и на некоторое время о проекте забыли. Осенью 1997 г. я и Д.А. Александров написали главу для коллективной монографии «Наука и безопасность», выпущенной в 2001 г. Институтом истории естествознания и техники РАН под редакцией В.М. Орла. Полгода спустя по инициативе А.А. Фурсенко был разработан план-проспект коллективной монографии «Наука и кризисы: исторические очерки», поддержанный Региональным фондом Санкт-Петербурга. Помимо авторов аналитической записки в исследовательский коллектив вошли И.С. Дмитриев, Ю.Х. Копелевич, Н.Л. Кременцов, Т.В. Чумакова, М.Ф. Хартанович. Но правительство В.С. Черномырдина ушло в отставку, финансирование прекратилось, и энтузиазм ряда участников проекта угас.

Важную роль в совершенствовании концепции сыграли главы о науке во времена Английской революции XVII века и особенно Великой Французской революции, подготовленные директором Музея-архива Д.И. Менделеева, профессором И.С. Дмитриев. Один из самых ярких историков и философов в современной России, блестящий стилист и оратор, он, в известной степени задал масштаб выполняемого исследования, написав вместо планируемых кратких глав в 1–1,5 п. л. фактически микромонографии, что потребовало обилие детального рассмотрения кризисов в других стран. Н.Л. Кременцов дал оригинальный анализ развития науки во время Великой Отечественной войны и позднего сталинизма, базирующийся на уникальном архивном материале, а Ю.Х. Копелевич смогла в соответствии с новой концепцией рассмотреть прежние свои работы по истории российской и зарубежных академий наук. К сожалению, вскоре из жизни ушёл А.В. Кольцов, но беседы с ним и подготовленные вместе с ним разделы по российской науке в первые два десятилетия XX века очень много дали для понимания переломного момента в развитии отечественной науки, связанного с революциями 1905 и 1917 гг., Первой мировой и Гражданской войнами. Месте с тем, с увольнением А.Д. Александрова встал вопрос об аналогичных текстах по проблеме выживания науки в периоды глобальных кризисов в США и Германии, которые он ранее брал на себя.

Вскоре выяснилось, что параллельно под руководством профессора департамента истории объединённого колледжа в Скенектади штата Нью-Йорк М. Уолкера, шла работа над книгой «Наука и идеология», вышедшей практически в один месяц с книгой «Наука и кризисы», В ряде ее глав, прежде всего в статье Я.М. Рабкина и Е.З. Мирской, а также в главе «Идеологически корректная наука», написанной М. Гординым, В. Грюндером, М. Вальтером и З. Ванг, содержался ряд положений, ранее обсуждённых мною с Я.М. Рабкиным. Видимо, поэтому удалось легко установить рабочий контакт с М. Уолкером, с которым я познакомился в феврале 1999 г. на конференции в Регенсбурге. Он согласился помочь подключить к реализации российского проекта, поддержанного РГНФ и, историков науки из США, Японии и Китая. Это было огромной удачей. Ведущий в мире специалист по истории создания атомной

бомбы в Третьем Рейхе Уолкер, казалось, был создан для коллективных монографий. Он лично написал для нашей книги три блестящие главы, содержащие сравнительный анализ науки в Германской империи, Веймарской республике, Третьем Рейхе и ФРГ.

По его рекомендации к нам присоединились и другие авторы. Профессор Вальтер Грюнден из департамента Боилинг Грин государственного университета в штате Огайо подготовил статью о мобилизации науки в Японии во Второй мировой войне. Конг Као, работавший в Государственном университете Нью-Йорка, написал статью о науке и учёных во время культурной революции. При переводе его статьи возникли трудности. Мои сотрудники, которые были младше меня на 10–25 лет, прекрасно знавшие английский язык, не могли понять многие места в его статье, так как он, уроженец Китая, писал, используя штампы и язык того периода. И здесь опять сыграл фактор поколений, я смог понять и, надеюсь, передать смысл бытовавших выражений типа «вонючая бочка», «школа кадров 7 мая», «дурно пахнущие» и т. д.

Наконец, благодаря Н.Л. Кременцову мы получили статью от крупнейшего специалиста по политике, науке и военно-промышленному комплексу США во время Холодной войны Стюарт Лесли, которому я смог вручить книгу только в 2005 г. в Японии.

В итоге нам удалось рассмотреть проблему наука и кризисы в широком временно-пространственном масштабе, рассматривая не только возникновение новых институтов, но и поведение учёных и состояние самой науки в экстремальных условиях. Для более тесной интеграции глав (общим объёмом 65 п. л.), написанных 12 авторами из 4 стран. К каждому разделу: «Институционализация науки и кризисы Нового времени», «Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом», «Вторая мировая война» и «Наука и Холодная война» — я написал введение и заключения, помимо общей концепции и выводов, изложенных в предисловии и послесловии редактора. Большой вклад в сближении манеры изложения внесла моя помощница филолог Ирина Александровна Белозерова, занимавшаяся переводами и литературным редактированием. Моя аспирантка ботаник Анастасия Александровна Федотова выполнила огромный масштаб работы по уточнению литературных ссылок и авторского указателя.

При всех отличиях в стиле и оценках, неизбежных при изучении сложных и противоречивых событий, разворачивавшихся на протяжении более трех чем столетий в различных социально-культурных условиях, авторы придерживались некоторых общих теоретических установок. Во всех главах монографии история науки рассматривается в кризисной динамике общества и государства, что позволяло понять механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных учёных, их групп и научного сообщества в целом. Главная цель книги заключалась в том, чтобы преодолеть традиционные рассуждения о роли науки в эпоху глобальных кризисов, опиравшиеся до сих пор в основном на философско-мировоззренческие постулаты, дававшие немало доводов как «за», так и «против» тезисов о пользе или вреде науки. Мы были убеждены, что предшествующий опыт, например, Древнего Рима или нацистской Германии, свидетельствует, что без науки у государства нет перспективы, а религиозность и мистицизм, охватывающие общество, — не знак духовного возрождения, а предвестник его гибели. С целью проверки этого тезиса и был осуществлён масштабный историко-сравнительный анализ кризисных ситуаций, в которых оказывалась наука разных стран, начиная со времён Английской буржуазной революции вплоть до «культурной революции» в КНР.

В то время как лидеры академического сообщества России культивировало миф об учёных, якобы невмешивающихся в политику, было показано, что зачастую именно их действия способствовали началу социально-политических и экономических преобразований, приводивших к кризису. Будучи втянутыми в водоворот событий, в какой-то степени иницируе-

мых ими, они затем одними из первых страдали от кризисов, так как власть и общество в эти периоды, как правило, не желали довольствоваться прежними формами организации научных исследований и их практической эффективностью. В поиске новых форм взаимоотношений науки и государства каждая из сторон старалась с максимальной выгодой для себя использовать неустойчивость ситуации.

При этом мы старались пояснить российскому научному сообществу, что трактуемое как кризисное состояние науки в России означало слом прежних отношений между учёными, обществом и властью. До недавнего времени в рамках симбиоза государства и научного сообщества власти стремились использовать учёных для получения знаний, для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания своей политики, для повышения международного престижа. Учёных привлекали как экспертов при принятии важных экономических и социально-политических решений. Вместе с образованием наука составляла единую систему, от которой зависело воспроизводство интеллектуальных ресурсов советского государства, всей его инфраструктуры, включая аппарат управления, систему здравоохранения, экономику и т. д. В свою очередь учёные считали свою работу исключительно важной для государства, которое было единственным заказчиком и предоставляло в их распоряжение огромные материально-финансовые для осуществления научных проектов.

В целом, эта модель была обычна для взаимодействия науки и власти в периоды, требовавшие максимальной мобилизации ресурсов. Со времён Реформации, когда наука стала социальным институтом, именно она обычно реализовалась в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений, войн, обострения геополитической ситуации и т. д. С тех пор наука и власть были тесно связаны. Сильное государство стремилось иметь передовую науку, а власть, не уверенная в своем будущем, не желала вкладывать средства в проекты, не сулившие быстрой прибыли, рассчитывая на спасения благодаря причудливым смесям архаичных форм религии, философии и политических доктрин. Кризисные моменты в жизни государства и общества вынуждали власть и учёных искать новые формы взаимодействия. Нередко поиски сопровождались гибелью целых научных направлений и их создателей. Но при этом складывалась новая конфигурация отношения науки к власти, изменялся общественный статус учёных, модифицировались тематика и язык научных исследований, ритуалы научных мероприятий, традиции и этика научного сообщества.

В силу своего положения в обществе учёные неизбежно участвовали в решении актуальных социально-экономических и политических проблем. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать рациональные формы общественной жизни, всегда претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений. Учёные в кризисные периоды всегда стремились решить на первый взгляд трудно совместимые задачи: с одной стороны усилить свою профессиональную независимость, а с другой — получить большую финансово-материальную поддержку от властей и обеспечить приток талантливой молодёжи в науку. А власть за предоставляемые ресурсы требовала не только, а иногда и не столько практические результаты, сколько идейно-политическую поддержку.

Примеры из истории главных «научных» стран (Англии, Франции, России, Германии, Японии, США и КНР), когда они находились в состоянии остро выраженных или перманентных кризисов, позволили просмотреть основные сценарии разрешения кризисных ситуаций в развитии отношений науки, государства и общества, обусловленных кризисом общества в целом, а иногда локальными кризисами власти, природными катастрофами, временными спадами в экономическом и политическом развитии страны. Сравнительный анализ критических ситуаций в разных странах дал возможность исследовать причины, благоприятствовавшие или препятствовавшие развитию науки уже в ходе ее институционализации и социализации в

Новое время, когда шёл поиск первоначальных форм отношений между наукой и государством. Удалось выяснить, что, несмотря на специфику взаимоотношений науки и государства или, точнее, науки и власти в каждой стране, существовали некоторые общие алгоритмы. Наука страдает не только от того, что государство не уделяет ей достаточного внимания. Не менее пагубна и обратная ситуация. Необходимы оптимальные взаимоотношения между государственным регулированием и финансированием научных исследований и участием научного сообщества в определении адресатов этой финансовой поддержки и основных направлений научного развития. Однако их становление требует огромных усилий со стороны научного сообщества и затягивается нередко на многие десятилетия, как это произошло в современной России.

Чтобы выжить в этих условиях и сохранить науку, учёным не должны были пассивно ждать помощи от государства, надеясь на возвращения прежних времён. Успех сопутствовал тем, кто стремился к диалогу с властями, объясняя им важность своих проектов для государства, в том числе зачастую ничем не обоснованных. Сказалось и отсутствие авторитетных лидеров академического сообщества, чьи достижения получили мировое признание, поддержка которых способствовала бы росту престижа правящих кругов как внутри страны, так и за рубежом.

Теперь, когда наука и научное образование вошли в плоть и кровь современной цивилизации, обществу порой кажется, что оно легко обойдётся и без науки. Однако сколько бы ни была политизирована сама наука во все периоды ее существования, сколько бы ни были социально определены способы и результаты разрешения научных споров, провозглашаемые наукой нормы и ценности имеют непреходящее значение в современном мире. Наука и образование являются единой системой производства и воспроизводства знания и взаимно поддерживают друг друга. Там, где нет уважения к науке, нельзя ждать профессионально образованных и эффективно действующих врачей, экономистов, юристов, учителей и государственных чиновников.

Давно известно, что народ, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую. Но современная армия невозможна без науки, ориентированной на национальные интересы. Сама же наука проявляет удивительную живучесть, адаптируется и выживает в самой неблагоприятной социально-политической среде, неся плоды своих достижений в те страны, правительство которых может по достоинству их оценить. Если самый боевой и талантливый генерал, не поддержанный своим правительством, не нужен никому, то выдающийся учёный чаще всего найдёт возможность продолжить исследования в другой стране. В качестве парадокса я написал, что страна, отказавшаяся содержать свою науку, неизбежно будет подкармливать чужую. Тогда никто не мог даже представить, что это уже скоро может произойти у нас: в некогда вторую в мире научную державу за огромные деньги будут заманивать иностранных учёных, тогда как лучшие свои кадры эта держава вынудила искать судьбу на чужбине. Из пяти российских Нобелевских лауреатов, получивших премию за последние 15 лет, трое живут и за работают за рубежом. Вместо них в Россию за огромные деньги как челноков привозят весьма сомнительных лидеров мировой науки, цель которых в лучшем случае отобрать талантливую молодёжь и увезти ее к себе, а оставшихся здесь скормить методологиями и технологиями 10–15-летней давности. Воистину, как писал Евгений Евтушенко в прежние годы и по другому поводу: «Никто, как русские, так не спасал других. Никто, как русские, так сам себя не губит». Не плохо про аналогичную ситуацию сказал Михаил Шолохов: «Жену отдай дяди, а сам иди к б...». В данном случае мы знаем этого дядю. Зовут его «Дядя Сэм».

Современная власть, сталкиваясь с критикой со стороны ряда представителей академической науки, оказалось неспособной понять, что научное сообщество в целом всегда было

готово принимать любую идеологическую риторику — быть «идеологически корректным» и служить власти. В противном случае нельзя было уцелеть, например, когда власти вместо обещанного Эльдорадо, получали очередной продукт фундаментальной науки с весьма смутными перспективами его практического использования. Для развития науки была важна не столько политическая свобода, сколько мощная поддержка со стороны государства при условии его невмешательства в профессиональную деятельность учёного. Однако история показала, что такие взаимоотношения в принципе недостижимы. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Свобода в профессиональной деятельности, без которой рано или поздно приходят в упадок не только фундаментальные, но и прикладные науки, возможна лишь при наличии множественных независимых источников финансирования, что, однако, чревато распылением средств и отставанием в стратегически важных направлениях. Поэтому весьма не просто создать такие оптимальные формы сотрудничества правительства и научного сообщества в распределении имеющихся материальных и людских ресурсов и в координации научных исследований с учётом как общенациональных интересов, так и мировых тенденций научного поиска.

Презентация книги «Наука и кризисы», вышедшей в марте 2003 г., состоялась 24 июня 2003 г. в рамках конференции «Санкт-Петербург и мировая наука» и III-е Всероссийской конференции по науковедению и организации науки в период реформ. Малый конференц-зал СПбНЦ РАН был забит полностью. В обсуждении участвовали учёные из разных научных учреждений и высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Новосибирска. Во вступительном слове я рассказал о том, как родилась ее идея, как шло формирование авторского коллектива и насколько удалось международному коллективу реализовать первоначальные планы. Все выступившие в обсуждении отметили оригинальный характер книги, ее фундаментальность и энциклопедичность, выразив уверенность, что она станет отправной точкой для многих будущих историко-сравнительных исследований (Ю.А. Виноградов, И.С. Дмитриев, Б.И. Иванов, Ю.И. Кривонос, Б.И. Козлов, В.П. Леонов, Е.З. Мирская, Э.А. Тропп и др.). В качестве пожелания Э.А. Тропп предложил в дальнейших изданиях книги обратить большее внимание на роль маккартизма в развитии науки США, а также предусмотреть более жёсткую интеграцию зарубежных авторов в историко-научные традиции отечественных исследований, что усилит монографический характер обсуждаемого труда, подзаголовок которого все-таки не случайно сейчас осторожно звучит «Историко-сравнительные очерки».

Вскоре на книгу вышло около 10 положительных рецензий, в разных странах. Ее пропагандистом стал известный политолог и социолог науки, профессор Южного федерального университета Виктор Павлович Макаренко, с которым у меня на этой почве установились прочные научные контакты. Несколько раз он приглашал меня в Ростов, где я выступал с докладами и лекциями, в том числе на его ежегодной школе по научной политике. В течение нескольких лет мне приходилось не раз выступать с докладами и лекциями на эту тему в разных престижных аудиториях, в том числе и за рубежом, у меня брали интервью для журналов и газет, приглашали на телевидение. В 2005–2009 гг. я часто читал краткий цикл лекций на эту тему на курсах переподготовки профессорско-преподавательского состава к экзамену по истории и философии науки на философском факультете и в Гуманитарном институте СПбГУ, и, как правило, встречал доброжелательный приём.

Особенно заинтересовались этой книгой в Китае, где в 2003–2011 г. я не раз бывал в длительных командировках, читая курсы лекций по истории науки в университете Циньхуа и выступая с докладами в университетах Нанкина, Шанхая, Чанши, Синянь и в Институте истории естествознания Академии наук КНР. Под влиянием обсуждения книги с китайскими

коллегами я заинтересовался итогами реформ в послесоветской науке и вместе с Надеждой Алексеевной Ащеуловой подготовил несколько презентаций и публикаций на эту тему.

Вместе с тем не все готовы были принять выводы историко-сравнительного исследования. Это показал мой доклад в рамках ежегодных встреч лауреатов Нобелевской премии и «Глобальной энергии» в марте 2005 г. Среди докладчиков конференции «Наука и общество» не было представителей гуманитарных и общественных наук. Видимо, выдающиеся физики, математики, биологи и экономисты знали, как строить отношения с властью и обществом. По совету Н.А. Ащеуловой, которая помогала мне готовить первую в моей жизни презентацию, я вначале кратко остановился на кризисе современной российской науке. Готовя этот раздел, я с удивлением обнаружил, что у нас нет достоверных данных о том, каково ее современное состояние. Даже, казалось бы, базовые цифры о числе учёных, уехавших за границу, или объёмах финансирования различались на порядок.

Выступить мне довелось последним, когда регламент был исчерпан и приглашённые томилась в предвкушении вечера в Доме учёных на Дворцовой набережной. Передо мной выступал вице-президент РАН А.Д. Некипелов, который не уложился в регламент, но которого председательствующий, не осмеливался прервать. Чуть раньше на зал большое впечатление произвёл яркий доклад академика-секретаря Отделения-экономики РАН Д.С. Львов. В чем-то тематика наших докладов пересекались, но были существенные различия в данных и оценках. Он говорил, что беды России не столько в «дураках» и «дорогах», сколько в «дураках на дорогах», к которым он однозначно причислял представителей властей и бизнеса. Для него выход из современного кризиса был прост: надо слушаться академиков-экономистов и дать учёным столько денег, сколько они просят, не докучая вопросами, на что они потрачены. Предшествующие поколения учёных с лихвой оплатили затраты на науку на несколько столетий вперёд, а посему власть должна кормить учёных, даже их ценность сегодня не так уж велика. Подобные взгляды импонировали многим в аудитории Большого конференц-зала СПбНЦ, набитого битком.

Мои суждения о выходе из кризисного состояния отечественной науки путём конструктивного диалога с властями были приняты, видимо, не всеми. Из-за недостатка времени дискуссии не было, но один из наиболее активных и талантливых представителей академического корпуса в Санкт-Петербурге А.М. Финкельштейн сказал в кулуарах сразу после доклада: «Ну, Эдик, ты одним докладом все академии наук мира обоср...». Позднее он взял у меня большое интервью «Академия наук — прошлое, настоящее и будущее» для телеканала «ВОТ» Санкт-петербургского телевидения, и недоразумения, я думаю, были рассеяны. Несколько обескуражило и высказанное мне в кулуарах пожелание другого ведущего представителя академического сообщества в Санкт-Петербурге: «Эдуард Израилевич, вы, пожалуйста, нам про историю рассказывайте, а с современными проблемами мы сами разберёмся». 2013 г. показал, как они разобрались.

В то время я полагал, что власть ещё способна на конструктивный диалог с академическим сообществом, но идея компромисса многим его членам казалась кощунственной, вызывая подчас острую идиосинкразию. Они уверяли, что советская модель организации науки совершенна, что допустимы лишь косметические вмешательства, типа укрупнения отделений и переименования некоторых их них в секции, а всякие проекты ее реформы — это происки врагов, жаждущих завладеть академическим имуществом. Наиболее непримиримые призывали стоять насмерть как панфиловцы под Москвой, сражаясь за каждый квадратный метр академических зданий и занятых территорий, а при отступлении — цепляться за каждый бугорок и окапываться в каждой ложбинке. Они не хотели ничего слышать об исторических прецедентах, когда Академии закрывали, а самих академиков отправляли на эшафот.

Эту позицию, можно было понять, так как с 1991 г. правительство инициировало различного рода реформы науки и образование, после которых становилось только хуже и страна стремительно теряла прежние позиции в мировой науке, откатываясь в разряд аутсайдеров. Тем не менее, диалог был необходим, так как российская наука, внедрённая в России железною волею Петра Великого, всегда была, есть и в обозримом будущем останется делом государевым, которое всегда практиковало политику кнута и пряника по отношению к учёным. Это особенно ярко проявилась во времена сталинской тирании, о котором ностальгировали наиболее убеждённые противники реформ РАН, забыв, что тогда были уничтожены десятки научных направлений, а их несговорчивые лидеры, да и не только они, были арестованы, расстреляны или отправлены в лагеря и тюрьмы. Избрав сталинизм как образец научной политики академическая элита потеряла поддержку со стороны и наиболее активных неправительственных сил в обществе.

И на этот раз итог противостояния оказался предрешённым. Прежняя РАН была ликвидирована, а ее руководство безуспешно пытается хоть что-то спасти из предназначенного к сливу в небытие через ФАНОВскую трубу. Несколько раз в газетах выступал и я. Безрезультатным было мощное протестное движение, так как на постсоветском пространстве власть, видимо, признает только один аргумент — «коктейли Молотова» и окрик из США, где хранятся деньги ее представителей.

Учёные быстро ушли с площадей и конференций. Иссяк и поток гневных публикаций в немногих средствах массовой информации, поддержавших позицию большинства академического сообщества. Опять повторилась известная ситуация, по поводу которой когда-то негодовала ещё мадам Л.Ж. де Сталь. Оценив силу и твёрдость правительства, лидеры академического сообщества дали обет послушания, надеясь, что власть позволит им дальше предаваться своим трудам в мире и спокойствии, погрузившись в поиск законов природы и общества. Творческие люди остались верны своему призванию, понимая преходящее значение всех форм и событий политической жизни. Насколько оправданы их надежды — покажет ближайшее будущее. Мой опыт историка науки подсказывает плачевный финал, так как произошло самое непоправимое. Как в незабвенном 1948 г., власть решила, что может напрямую управлять наукой и судить, какая наука ему нужна, а какая нет. А уж здесь необозримое поле действия всяким откровенным проходимцам и шарлатанам типа Петрика. Вскоре во главе академических организаций встанут чиновники, главная задача, которых выполнять приказы вышестоящего начальника. А наука без свободы существовать не может. Свободу же может дать только множественные источники финансирования и свободная конкуренция. А вот их то в стране и нет.

В то же время чиновникам, прельстившимся славой Герострата, не следовало бы бить в литавры. Следует помнить приводимо четверостишие А.М. Уголева о традициях, которое прямо относится и к нынешним «реформам» РАН.

*Когда традиции ломать,
Неплохо было бы понять.
Традиция — отнюдь не целка,
А многоопытная б....*

Изнасилованная российская наука отомстит так, что невзгоды реформаторов-казнокрадов российской армии покажутся детскими игрушками и главному инициатору нынешних реформ науки. Так было во всех странах, где власть не желала прислушаться к голосу научного сообщества, априорно зная, какая ему нужна наука и в каких организационных формах она будет развиваться. Кто забыл об этом, пусть вспомнит судьбу поверженной в 1945 г. Германии. Полезно и почитать протоколы Нюрнбергских процессов для того, чтобы знать о судьбе тех, кто этому способствовал.